



ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 1 ноября 1871 года.

Годъ II.

ЗА ГОДЪ.	ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	ЗА ПОЛГОДА.
Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургъ 2 р. — к.	
Съ доставкою въ „ „ 5 „ — „	Съ доставкою въ „ „ 2 „ 50 „	
Безъ доставки въ Москвѣ 4 „ 50 „	Безъ доставки въ Москвѣ 2 „ 25 „	
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой. 5 „ — „	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой. 2 „ 60 „	

(Отдѣльные номера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 в. строка цѣтвѣ. Особая приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С. Петербургѣ на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13. Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехія) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммисіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера въ 1871 году.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1872 ГОДУ.

Открывая подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе номеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается для **семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшили прилагать **ежемѣсячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ**, не увеличивая **подписной цѣны на нашъ журналъ**, при полнотѣ и общедоступности его найдешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургъ 4 руб.	Съ доставкою въ Петербургъ 5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ 4 „ 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой. 5 „

ПРИ ПЕТРѢ.

Историческая повѣсть временъ преобразованія Россіи.

В. И. КЕЛЬСЕВА.

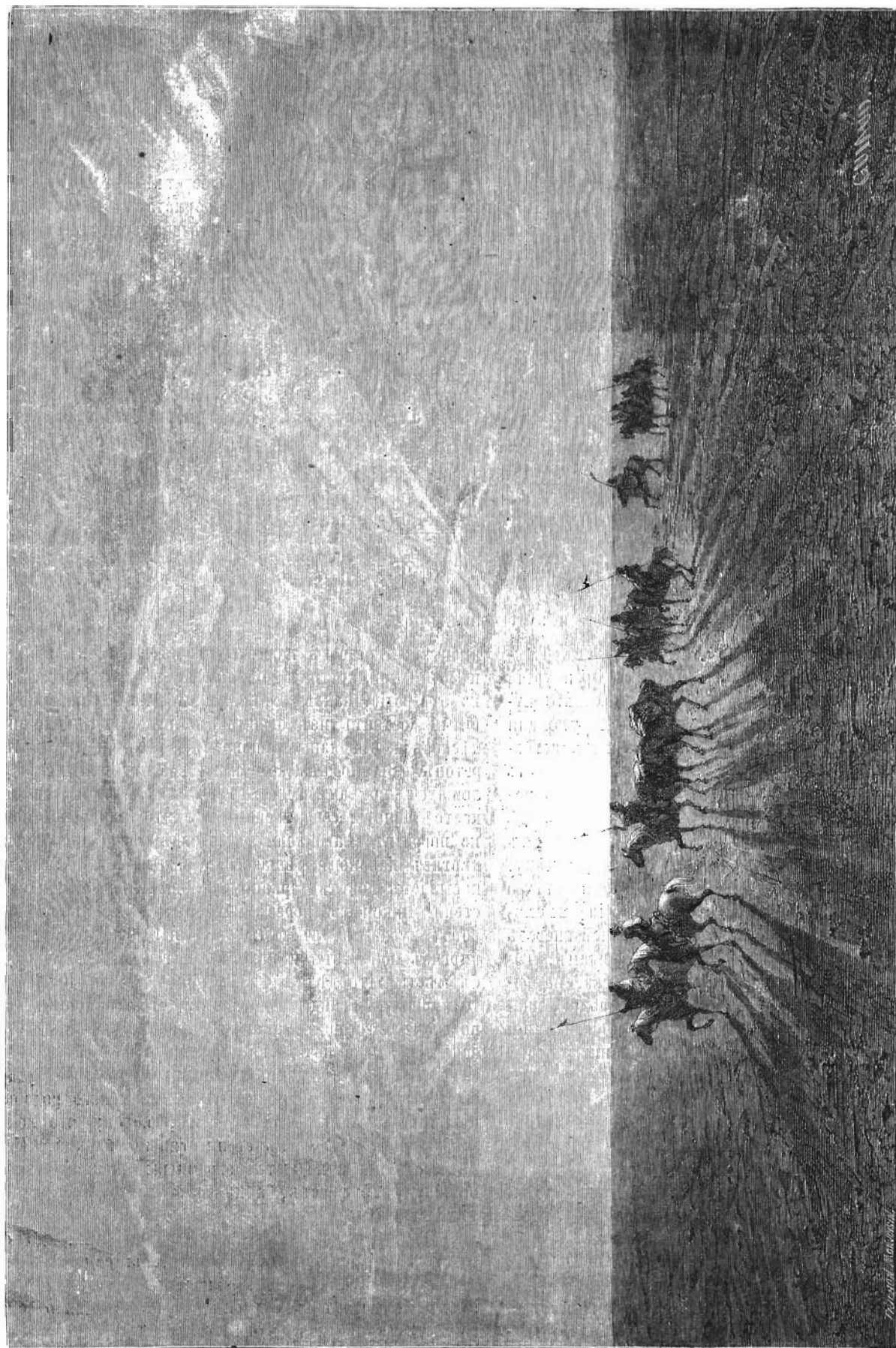
(Продолженіе).

VII.

Просакъ.

Если столица Петра въ лучшихъ своихъ частяхъ не представляла ни особенной стройности ни красоты, то Московская сторона за Фонтанкою всего лѣтъ за

восемь начавшая застраиваться, была такъ-сказать однимъ сколкомъ, какъ бы пробой примѣненія еще нерѣшенныхъ окончательно плановъ застройки. Широкая дорога отъ Литейнаго двора, окопанная съ двухъ сторонъ канавками, была совсѣмъ пустынная. Даже ряды лачугъ, которыя Императрица Анна лѣтъ двадцать



Киргизская стель.

Петръ. — Послушай, сказалъ онъ наконецъ, — отступись ты отъ нея. Я далъ слово другому сватомъ идти; я тебѣ другую высватаю — и пригожую и богатую: Нельзя мнѣ моего слова нарушить...

Римскій-Корсаковъ поблѣднѣлъ и потупилъ голову.

— Не вводи, Государь, въ грѣхъ, сказалъ онъ, — больно дѣвка-то мнѣ любя; вѣдь я — оборони Боже — увозомъ обвѣчаюсь!

— Безъ благословенія родительскаго?

— Влагословятъ, Государь.

— Чужой вѣкъ заѣсть!

— Своими руками въ гробъ лучше положу, чужому не доставайся, глухимъ голосамъ проговорилъ Римскій-Корсаковъ, — тому-лиходѣю моему! Лучше душу свою загублю, на нее и на себя руки наложу, а чужому не доставайся! Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ это, Ваше Царское Величество.

Петръ пристально посмотрѣлъ на этого юношу, такъ недавно казавшагося ему офранцузеннымъ дворянчикомъ, и понялъ, что онъ говоритъ правду.

— Слушай, сказалъ онъ, — отъ слова я отступить не могу; сватомъ пойду и можетъ сегодня же. Не Царемъ пойду, а простымъ сватомъ. Велю дѣвку позвать и самъ запытаю ее: кого она выберетъ — тебя или твоего супротивника? Какъ она скажетъ, такъ тому и быть.

— Да кто онъ, супостатъ-то мой? сказалъ Корсаковъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и какъ полотно блѣдный, но все таки гордо поднимая голову и выпрямляя грудь, причемъ рука его машинально взялась за эфесъ шпаги. Петръ уловилъ это движеніе быстрымъ взглядомъ.

— Это что? — поединокъ умышляешь? А знаешь мой законъ: поединщиковъ — и живаго и мертваго повѣсиль? здѣсь не французская земля, братецъ. Кто онъ — покуда не скажу; а если Лукерья его выберетъ, а не тебя, не моя вина будетъ.

— Да меня-то она не выберетъ! — это я безъ тебя, Великій Государь, знаю, пробормоталъ въ сторону, съ какимъ-то отчаяннымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ лица, несчастный Римскій-Корсаковъ.

— Такъ чего-жъ тебѣ надо? вѣдь насильно милъ не будешь?

— И не хочу быть милымъ, Государь, а ужъ коли не мнѣ, пускай въ монастырь идетъ.

Крѣпко задумался Петръ.

— Погоди, сказалъ онъ, — сегодня я не пойду сватомъ; а тѣмъ часомъ, Богъ дастъ, что и надумаемъ. Не кручинься.

(Продолженіе будетъ).

РѢЗЪ РЕНБУРГА ДО ТАШКЕНТА.

(Отрывокъ изъ дорожныхъ замѣтокъ).

Получивъ командировку въ 1868 году въ Ташкентъ, я, въ концѣ августа, прибылъ въ Оренбургъ, и запасшись всѣмъ нужнымъ для такого дальняго путешествія, какъ-то: провизіей и полною сбруею для тройки лошадей (безъ которой въ степи ѣхать невозможно), выѣхалъ по дорогѣ въ Ташкентъ. Мѣстность отъ Оренбурга до Орска не представляетъ ничего замѣчательнаго; станціи, содержимыя казаками, вездѣ чистенькія, и почти на каждой изъ нихъ предлагаютъ издѣлія изъ козьяго пуха, за весьма дешевую цѣну. Въ Орскѣ приходится часто ждать лошадей, и отсюда встрѣчались постоянно различныя препятствія, не смотря на курьера, посланнаго за нѣсколько дней впередъ для заготовки лошадей мнѣ и моимъ спутникамъ. Такимъ образомъ на первой станціи отъ Орска, на которую пріѣхали поздно вечеромъ, потребовали лошадей. Явился киргизъ и отвѣтилъ, что надо ждать, потому что нѣтъ алашей¹⁾. Не смотря на наши угрозы, онъ все стоялъ на своемъ, и чтобы отдѣлаться отъ насъ, сказалъ, что пойдетъ къ хозяину въ аулъ²⁾ объявить о нашемъ требованіи, а затѣмъ болѣе не являлся. Простоявъ болѣе сутокъ, мы кое-какъ, на обратныхъ, тронулись дальше.

Доѣхавъ благополучно до Карабутака, мы отдохнули немного и торопились скорѣе доѣхать до Уральскаго укрѣпленія, гдѣ намъ заранѣе обѣщали хорошее угощеніе. Такъ и случилось. Комендантъ пригласилъ къ себѣ обѣдать — и мы выѣхали уже вечеромъ, благодаривъ его отъ души за милое гостепріимство. Отъ Уральскаго укрѣпленія не встрѣчаемъ болѣе станціонныхъ домиковъ, но тутъ уже пойдутъ киргизскія

кибитки. Это родъ палатки, сплетенной изъ прутьевъ и обтянутой кругомъ войлокомъ; вмѣсто входа сдѣлано отверстіе, закрытое войлокомъ; все украшеніе кибитки состоитъ изъ огромнаго тагана для варки пищи, нѣсколькихъ грязныхъ ковровъ, стола и двухъ табуретовъ. Вы подъѣзжаете къ такой кибиткѣ, требуете лошадей, но вамъ говорятъ, что ихъ нѣтъ. Вы начинаете кричать, сердиться — и все это напрасно, покуда не погрозите нагайкою. При видѣ этого инструмента, киргизъ наконецъ рѣшается удовлетворить пассажира и посылаетъ ловить арканомъ лошадей, пасущихся въ степи. Наконецъ, черезъ нѣсколько томительныхъ часовъ, пускаемся въ путь, но увы! лошади не везутъ; киргизъ понукаетъ и кнутомъ и горломъ, а лошади ни съ мѣста. Что дѣлать? какъ помочь горю? Вы говорите киргизу: «гайда»³⁾, а онъ что-то бормочетъ и, видя, что его не понимаютъ, отпрыгаетъ лошадь и въ одинъ моментъ исчезаетъ. Такимъ образомъ, приходится ждать въ степи, по нѣскольку часовъ, покуда не вернется киргизъ съ новыми конями. Такого рода остановки встрѣчались весьма часто, потому что лошади заморены, а кормъ въ степи самый плохой. Между тѣмъ станціи попадаются огромныя: иная значится по маршруту 25 верстъ, а на дѣлѣ выходитъ иначе, и дѣлаемъ равно вдвое.

Отъ Уральскаго укрѣпленія начинается, до форта № 1 (Казалы), Каракумская степь; ее проѣзжаютъ, по случаю несквозь, на верблюдахъ, которыхъ запрягаютъ въ тарантасы, и они везутъ довольно скоро, такъ что я предпочелъ бы всегда ѣзду на нихъ, но та бѣда, что не вездѣ найдешь верблюдовъ. Наконецъ проѣзжаемъ Каракумы и передъ нами является хоро-

¹⁾ По киргизски, лошадей.

²⁾ Деревня.

³⁾ Пошелъ.

шенькій ландшафтъ: это фортъ № 1-й; отъ него начинается Туркестанская область и появляется рѣка Сыръ-Дарья, берега которой частью покрыты высокимъ тростникомъ, гдѣ обитаютъ тигры, частью колючкою и саксауломъ, весьма пригоднымъ для топлива; къ сожалѣнію, онъ почти весь истребленъ Аральскою флотиліею, пароходы которой ходятъ по Сыръ-Дарьѣ черепашьимъ шагомъ. Въ фортѣ можно тоже отдохнуть въ гостиницѣ или у коменданта и запастись провизіею до форта № 2-й, гдѣ опять отдыхъ и заготовка провіанта до форта Перовскаго (Ахъ-Мечеть). Фортъ этотъ стоитъ на весьма живописной мѣстности, и около него растетъ много саксаула. Здѣсь слѣдуетъ запастись продуктами до укрѣпленія Джулекъ.

Далѣе, отъ укрѣпленія Джулекъ до Туркестана опять начинается степь, опять исчезаетъ всякая растительность; глазъ рѣшительно ничего не видитъ, кромѣ неба да земли, да изрѣдка попадающихся каравановъ туземцевъ на верблюдахъ и лошадяхъ. Кромѣ того, мѣстами видны сдѣланные изъ глины курганы: это могилы (мазарки) киргизовъ и оставшіяся послѣ кокандцевъ глиняныя крѣпости. Но вотъ подъѣзжаемъ къ Туркестану, что доказывается появленіемъ огромныхъ садовъ; затѣмъ появляется глиняный валъ, коимъ обнесенъ городъ, и вы наконецъ въѣзжаете въ него черезъ узенькія ворота. Повсюду грязь и нечистота, узенькія улицы съ глиняными заборами, за которыми находятся сады туземцевъ. Жителей считается пять тысячъ. 800 саклей и тридцать двѣ мечети. Изъ нихъ главная «Азаретъ-Султанъ», замѣчательная по могилѣ св. Азарета, находящейся внутри зданія, на поклоненіе которой стекаются изъ отдаленныхъ краевъ области, и по громадному мѣдному котлу, отлитому для жертвоприношеній 450 лѣтъ тому назадъ. Элементъ преобладающій—таджики или сарты. Городъ въ торговомъ отношеніи не имѣетъ значенія; жители занимаются хлѣбопашествомъ; базаръ служитъ только для мѣстныхъ окрестныхъ жителей. Жары лѣтомъ доходятъ на солнцѣ до 48 градусовъ, въ тѣни—28; зима непостоянная и холода бываютъ не выше 15 гр. Въ 20-ти верстахъ отъ города водятся: барсы, дикіе бараны, газели, одени и кабаны. Городъ стоитъ на нѣсколькихъ капавахъ и для питья есть колодцы. Мѣстныя власти состояли: изъ казы (судьи), аскаловъ (гласныхъ отъ городской думы), реиса (городничаго) и караванъ-баши. Въ городѣ есть комендантъ и управляющій населеніемъ. Обѣ эти личности весьма любезны, въ особенности послѣдній, въ квартирѣ котораго мы провели сутки весьма пріятнымъ образомъ. Затѣмъ на другой день отправились по дорогѣ къ Чимкенту и менѣе сутокъ ѣхали до этой маленькой крѣпости, весьма схожей съ Туркестаномъ: тѣ же глиняныя заборы, та же мертвенность, та же природа; однимъ словомъ, видѣвши одинъ азіатскій городъ, можно имѣть понятіе обо всѣхъ. Въ Чимкентѣ немного отдохнувъ у мѣстнаго жителя, подавшего намъ чай и сушеные фрукты, мы, благодаря распорядительности начальника туркестанскаго населенія Кр...ва, на третьи сутки утромъ узрѣли Ташкентъ. Подъѣзжая къ нему, видимъ безконечныя сады, окруженные заборами и больше ничего. Въѣздъ тоже черезъ ворота по узенькимъ улцамъ, по которымъ двѣ арбы (тѣлеги на двухъ колесахъ) разъѣхаться не могутъ; прибавьте къ этому часто попадающіеся по срединѣ улицъ огромные камни, почти постоянную грязь—и вы будете имѣть понятіе объ удоб-

ствѣ ѣзды по Ташкенту. Отъ въѣзда въ городъ до цитадели, гдѣ живутъ русскіе, по крайней мѣрѣ верстъ десять,—и покуда до нея доѣдешь, то жизнь проклянешь. Усталые, измученные, мы помѣстились въ домѣ г-жи Ш...

Въ цитадели сосредоточивалась администрація: интенданство, штабъ, расходное отдѣленіе и канцелярія губернатора, губернаторскій домъ и гибель зданій одноэтажныхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Дома эти глиняные, большею частью съ каменными полами, рамами заклееными бумагой, а иногда и со стеклами, продающимися очень дорого. Отъ цитадели, обнесенной стѣною, начинается европейскій кварталъ, по срединѣ котораго сдѣлано шоссе до самой крѣпости, гдѣ жилъ комендантъ и находилось комендантское управленіе, госпиталь и казармы. По обѣимъ сторонамъ европейскаго квартала строились дома и генераль-губернаторскій домъ; заложена православная церковь и готова гостиница, гдѣ помѣщается часть лавокъ и есть номера для пріѣзжающихъ съ приличною мебелью и столомъ. Постройкою этого зданія русскіе колонисты обязаны майору Жемчужникову, бывшему коменданту. Доходъ съ него такъ великъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ зданіе въротно окупилось. Вскорѣ по взятіи Ташкента постройка домовъ обходилась весьма дешево, такъ-что за сто рублей (или немного болѣе) можно было соорудить домъ изъ четырехъ комнатъ, стоящій теперь рублей шестьсотъ. Матеріалы и рабочіе съ каждымъ днемъ дорожаютъ, а потребность въ домахъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Невдалекѣ отъ европейскаго квартала находится городской садъ, въ которомъ ташкентская публика гуляетъ.

Теперь уже тамъ настоящій хоръ музыки, и надо предполагать, что есть и бальный оркестръ.

Въ это время года бываютъ страшныя жары, а хорошей воды почти нѣтъ, и приходится лить воду проведенную въ городъ изъ рѣки Черчика, текущую по маленькимъ канавкамъ, проведеннымъ черезъ сады, кладбища, и такимъ образомъ получающую вкусъ лимбургскаго сыра. Канавки эти попадаютъ на каждомъ шагѣ и чтобы черезъ нихъ перескакивать, приходится иногда дѣлать отчаянные salto - mortale. Экипажей въ городѣ не было никакихъ, кромѣ нѣсколькихъ тарантовъ и одной или двухъ бричекъ. Вся публика ѣздила верхами, даже и духовенство; въ грязь же нѣкоторыя дамы допускали переносить себя солдатамъ. Сколько разъ приходилось мнѣ пачкаться въ этой грязи; никакія калоши въ мірѣ отъ нея не спасутъ,—и желая вытащить одну ногу, вы погружаете до такой степени другую, что нужны нечеловѣческія усилія, чтобы вытащить ее. Въ сухое же время года песокъ страшный на улицахъ; при малѣйшемъ дотрогиваніи до него, онъ летитъ въ носъ, ротъ и на платье, а на сапогахъ приносимъ въ квартиру достаточное количество. Не смотря на различныя неудобства, все-таки скажу, что жизнь въ Ташкентѣ была бы довольно сносна (потому-что мѣстныя произведенія дешевы), но наши купцы, пользуясь отдаленностію края, продаютъ какъ мануфактурные товары, такъ и колоніальныя произведенія по баснословнымъ цѣнамъ.

Между военными встрѣчаемъ много георгіевскихъ кавалеровъ, такъ-что въ маленькомъ отрядѣ, находившемся въ Туркестанской области, ихъ считалось, вмѣстѣ съ нижними чинами, болѣе 800 человекъ. Зима бываетъ коротенькая; съ декабря идетъ дождь, дѣла г-

ся непроходимая грязь; въ январѣ же показывается трава, въ февралѣ весна въ полномъ разгарѣ. Съ мая и почти круглый годъ можно пользоваться какъ свѣжими такъ и сухими фруктами; все это очень дешево и вкусно, но зато самыхъ простыхъ овощей вы не найдете, какъ-то: хрѣну, картофелю, который недавно только стали разводить, и много другихъ произведений. Вѣчно снѣжное небо, ни малѣйшаго вѣтерка, но зато солнце падать немилосердно, и въ сентябрѣ жары бываютъ не меньше нашихъ июльскихъ. Климатъ тамошній дѣйствуетъ довольно разрушительно, въ особенности на прибѣжающихъ; часто появляется сыпь; дѣйствуетъ: тифъ, диссентерія, лихорадка; болятъ глаза, лѣзутъ волосы и крошатся зубы. Хотя и есть доктора, но зато лекарствъ очень мало и аптекъ всего одна. Заболѣвъ лихорадкою, я едва могъ достать малины у прикащика купца Хлудова, ведущаго торговлю на базарѣ, отстоящемъ верстѣ на семь отъ цитадели. Я часто бывалъ на немъ, потому-что только тамъ можно видѣть вполнѣ азіатскій разгулъ. Вообразите, посреди улицъ, съ обѣихъ сторонъ глиняныя лавки, подпертыя перекладинами и сверху покрытыя рогожами; это какой-то лабиринтъ, тянущійся на нѣсколько верстъ; въ лавкахъ сидятъ поджавши ноги: сарты, татары и жиды; кромѣ того устроены на открытомъ воздухѣ печи, гдѣ пекутъ для желающихъ пельмени и пирожки; между лавками, посреди, страшная толпа народу пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ, лошакахъ и верблюдахъ; кромѣ того, безпрестанно попадающіяся арбы и поющіе заунывныя пѣсни дервиши въ острокопечныхъ шапкахъ съ бубенчиками и длинными въ рукахъ палками;—все это чрезвычайно оглушительно дѣйствуетъ на иностранца, и долгое время стоишь въ изумленіи прежде чѣмъ что-нибудь поторгуешь. На базарѣ этомъ почти ничего интереснаго не найдешь. Единственно чѣмъ могутъ похвастать жители, это вышиваемыя арабесковъ шелкомъ, на чемъ хотите, платьевъ, скатертей, туфель, панталонъ и пр., но зато все это продается очень дорого, такъ же какъ и другой товаръ. Если хотите что-нибудь выторговать, то платите серебромъ; въ особенности туземцы берутъ съ охотою наши серебряныя рубли и тогда товаръ отдаютъ за полъ-цѣны. Случалось мнѣ прицѣниваться къ коврамъ, которые нашелъ очень недурные, такъ же какъ и мѣха, преимущественно куниты и бараньи шкуры; изъ каменьевъ можно приобрести за дешевую цѣну: бирюзу и кораллы, достоинствомъ не такъ хорошіе. Жаль, что, по случаю военныхъ дѣйствій, караваны изъ Бухары и Кашемира не приходили, а потому и не было кашемирской шали, которую мнѣ очень хотѣлось купить. Зато искавъ ее, я былъ въ индѣйскомъ караванъ-сераѣ и видѣлъ индѣйцевъ, которыхъ потомъ встрѣчалъ и на базарѣ. Они довольно пріятной наружности, съ черными глазами и длинными носами; лобъ, посреди, и концы ушей татуированы; одѣты они въ сюртуки, съ круглыми шапочками на головахъ, и многіе съ босыми ногами, на пальцахъ которыхъ надѣты кольца. По воскресеньямъ рынокъ переносился на полуверстное расстояние отъ цитадели, но товары привозились въ маломъ количествѣ. На большомъ же рынкѣ, по воскресеньямъ, сарты занимаютъ бараньимъ боемъ. Вообще говоря о ташкентской торговлѣ, городъ этотъ можно признать центромъ средне-азіатской торговли. Торгъ съ Россіею, большею частію, производится хлопкомъ и су-

шенными фруктами. Въ Ташкентѣ же бумажные товары сбываются весьма выгодно, чему обязаны туземкамъ. Красавицы эти носятъ синіе бумажные халаты, напидывая ихъ на голову, и на лицо надѣвая черную квадратную волосяную тряпку, совершенно скрывающую ихъ черты. Тѣ, которыхъ я видѣлъ безъ тряпокъ, очень не дурны, съ черными глазами, смуглыми лицами и бѣлыми зубами, хотя многія изъ нихъ ихъ чернятъ. Вообще сарты, какъ мужчины такъ и женщины, довольно красивы и способны къ разнымъ ремесламъ. Въ особенности мнѣ понравилось раскрашиваніе стѣнъ въ домахъ. На нихъ рисуютъ арабески, горшки съ цвѣтами—и послѣдніе сначала вырѣзываютъ довольно искусно, а потомъ серебрятъ или золотятъ, что очень красиво, въ особенности на синемъ фонѣ. Случилось мнѣ быть однажды въ гостяхъ у одного богатаго татарина, по имени Шарафен. Домъ принадлежащій ему весьма помѣстителенъ, стѣны расписаны арабесками, а полъ устланъ коврами; вмѣсто стульевъ—табуреты, съ мягкими подушками и по срединѣ столъ. Много изъ туземцевъ есть очень богатыхъ, бывающихъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Всѣ они очень любезны, и при встрѣчѣ говорятъ «аманъ» и пожимаютъ руку. Костюмы ихъ почти у всѣхъ одинаковы, а именно: халаты, подпоясанные чѣмъ-то въ родѣ шали; чалма или шапочка на головѣ; на ногахъ туфли, а для верховой ѣзды сапоги изъ черной или зеленой кожи, съ подошвами подбитыми огромными мѣдными гвоздями, загнутыми къ верху носками и большими мѣдными каблучками; женщины же носятъ «ичики», башмаки изъ такой же кожи, чрезвычайно жесткія.

Пробывъ въ городѣ Ташкентѣ мѣсяца три съ половиною, надобно было собираться обратно въ Оренбургъ. Я и мои товарищи были весьма рады, что наконецъ выберутся изъ этой азіатчины, и не смотря на ужасное время года, (начало декабря) и отвратительную дорогу, мы, 10 числа, простившись съ добрыми знакомыми, отправились въ путь.

На обратномъ пути по степи, экипажъ опять въѣхалъ въ грязь, и не смотря на понуканіе лошадей и крикомъ и кнутомъ, ничего нельзя было сдѣлать для нашего спасенія; пришлось послать въ аулъ за верблюдами, и въ ожиданіи дѣлать что хочешь. Уже день клонился къ вечеру, а помощь все не явилась. Между тѣмъ становилось довольно холодно, вѣтеръ сильно завывалъ и еще болѣе усиливалъ нашу тоску. Захотѣлось ѣсть, но провизія наша замерзла, а разогрѣть негдѣ. Оставалось одно: вооружиться терпѣніемъ и заснуть. Такъ и случилось. Кто закурилъ папиросу, а я, хорошенько завернувшись въ шубу, заснулъ. Проспавши часу до шестаго утра, видимъ идетъ караванъ, да еще на нѣкоторыхъ верблюдахъ лежатъ вѣзанки дровъ. Объяснившись кое-какъ пантомимами, т. е. указавъ на дрова и вынувъ двугривенный, получили вязанку саксаула и сей часъ же развели костеръ, чтобы хоть сколько нибудь согрѣться. Между тѣмъ, подошли наши валаеты и сказали, что были въ аулѣ, гдѣ отлично спали и пили чай. Затѣмъ явились киргизы съ предложеніемъ нанять у нихъ верблюдовъ, и мы едва едва уломали ихъ взять по два рубля за каждого. Этотъ случай описываю для того, чтобы дать хотя малѣйшее понятіе, о ѣздѣ по Киргизскимъ степямъ, которыхъ изображеніе можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ.



ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 23 іюня 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------



Нарушенный покой. Съ карт. А. Сартера.

шемъ состоялъ при экспедиціи, посланной на восточный берегъ Каспійскаго моря, для собиранія свѣдѣній о туркменахъ и для сношенія съ этимъ племенемъ. Когда, послѣ столкновенія съ ними въ Красноводскомъ заливѣ, гдѣ туркмены, отбивъ скотъ и лошадей, помѣшали экспедиціи продолжать изслѣдованія напир русла Аму-Дарьи, рѣшено было наказать виновныхъ, М. Н. Галкинъ принялъ, какъ волонтеръ, участіе въ экспедиціи генерала Лазарева, въ десантъ и военныхъ дѣйствійхъ противъ туркменъ. За свои подвиги онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны съ мечами, что было тогда рѣдкой и исключительной наградой для гражданскаго чиновника. Въ 1862 г. онъ уѣхалъ за-границу, и проведя здѣсь года два, изучалъ тюремный во-

просъ по собственной охотѣ, а затѣмъ по порученію правительства. По возвращеніи въ Россію, онъ около двухъ лѣтъ (1866—1867) служилъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ, а въ 1868 году назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ. Затѣмъ черезъ два года онъ былъ переведенъ въ Саратовскую губернію, за свои труды по прекращенію веплянской эпидеміи награжденъ орденомъ Вѣлаго Орла и, наконецъ, 23 апрѣля 1879 года призванъ на постъ начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Всѣ знающіе М. Н. Галкина-Враскаго отдають ему должное не только какъ весьма даровитому администратору, но и какъ человѣку въ высочайшемъ значеніи этого слова.

П. Быковъ.

Ко дню двадцатипятилѣтія Ташкента. 1865—1890.

(Рис. на стр. 653).

Начало завоеванія русскими сѣверной Азіи относится къ XVI столѣтію. Завоеваніе, собственно Сибири, шло очень быстро. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ со времени перехода чрезъ Уральскій хребетъ Ермака и его спутниковъ (1579 г.), казаки достигли береговъ Амура и Анадыри, причѣмъ приходилось вести упорныя войны съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей; нѣкоторыя же народности, напр. самоѣды, часть сибирскихъ татаръ и большинство тунгусскихъ племенъ, были покорены безъ большаго труда и кровопролитія. На Амурѣ было встрѣчено сопротивленіе со стороны китайцевъ и манчжуровъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія образовали одно государство и въ 1689 году вынудили насъ на цѣльяхъ 170 лѣтъ оставить берега великой рѣки. Въ среднеазиатскихъ степяхъ, напротивъ того, владычество наше водворилось по доброй волѣ самихъ киргизскихъ вождей; но дѣйствительная покорность была достигнута долгими успѣхами политики и оружія. Вслѣдствіе безплодности страны, переселенцы не шли сюда массами и охрана завоеваннаго всецѣло ложилась на плечи правительства.

Въ 1732 году наша государственная граница въ Средней Азіи ушла далеко на югъ, благодаря добровольному подданству киргизъ Малой и Средней Орды. Положеніе киргизъ въ то время было самое тяжелое. Сильные враги тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Городъ Туркестанъ, гдѣ владѣли киргизскіе ханы, взятъ былъ въ 1723 году джунгарскимъ владѣтелемъ Галданъ-Цереномъ. Постоянно безпокоемые калмыками, башкирами и каракалпаками, киргизы, подъ предводительствомъ Букашъ-бая, разбили калмыковъ и башкировъ и, отбѣснивъ ихъ къ Уралу, заняли сѣверную часть Киргизской степи, пограничную съ Россіей. Здѣсь киргизы были безопасны отъ джунгаровъ, даже при очевидномъ своемъ беспліи. Въ это-то время киргизскій ханъ Абуль-Ханръ, изъ своихъ личныхъ выгодъ, обратился къ Россіи съ просьбою о принятіи въ русское подданство киргизъ Малой Орды. Киргизы съ неудовольствіемъ узнали о поступкѣ своего хана; однако краснорѣчіе и умъ мурзы Тевкелева, посланнаго изъ Петербурга, устроили дѣло, и въ 1732 году киргизы Малой Орды со своимъ ханомъ Абуль-Ханромъ и Средней Орды съ ханомъ Шемякою признали власть Россіи.

Степныя границы почти постоянно подвергались нападеніямъ хищниковъ, но такъ какъ это были собственныя подданные, то противъ нихъ иногда высылались отряды, но не съ цѣлью новыхъ завоеваній, а съ цѣлью лишь наказанія. Такъ было до 1820-хъ годовъ. Съ этого времени начинается обозначаться стремленіе къ наступательнымъ движеніямъ, къ завоеваніямъ въ сибирской степи. Генералъ-губернаторъ Сперанскій сдѣлалъ представленіе, по которому рѣшено фиктивное подданство мѣстныхъ киргизъ обратить въ дѣйствительное и съ этою цѣлью въ центрахъ проектированныхъ округовъ устроить укрѣпленія. Въ такія укрѣпленія обыкновенно высылались съ линіи гарнизоны казаковъ и даже регулярной пѣхоты. Но такъ какъ, по отдаленности отъ линіи, содержаніе ихъ стоило дорого, то сибирскія власти мало-по-малу рѣшили выселять въ степи казаковъ, которые одновременно могутъ быть и воинами и земледѣльцами. Такимъ образомъ въ степи образовалась новая передовая линія, ставшая цѣлью хищничества номадовъ. Приходилось опять высылать отряды и снова закладывать укрѣпленія. Здѣсь мы усматриваемъ начало системы, приведшей насъ въ Балхашъ, къ Или, къ Алатау и, наконецъ, въ Туркестанъ,—системы, выработанной администраціею.

Подобное движеніе впередъ линіями было примѣняемо въ первое время лишь въ западно-сибирской степи. Въ Оренбургской же степи ничего подобнаго долгое время не было, за исключеніемъ небольшой Илецкой линіи, выдвинутой въ 1810 г., специально для защиты мѣстныхъ соляныхъ копей. Но въ 1835 году, при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, была устроена такъ называемая Новая линія, т. е. рядъ укрѣпленій между крѣпостями Орскою и Звѣриногодовскою, которая отрѣзала у киргизъ Малой Орды обширныя и наилучшія мѣста для кочевья; отрѣзанное пространство заселено казаками. Эта мѣра прикрыла Верхнеуральскую Уйскую линію отъ хищниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно разорила многихъ киргизъ, а еще

болѣе выселенныхъ въ степь казаковъ. Мѣра эта развила сильныя волненія въ степи, такъ что для обезпеченія вновь водворенныхъ станицъ генералъ Перовскій началъ быстро строить непрерывный валъ, въ родѣ Китайской Стѣны, долженствовавшій связать крѣпость Орскую съ укрѣпленіями Императорскимъ, Наслѣдникомъ и проч. Кромѣ того, въ 1834 году было основано на Каспійскомъ морѣ, при заливѣ Кайдакъ, укрѣпленіе Ново-Александровское, съ цѣлью, во-первыхъ, быть ближе къ отдаленнымъ кочевьямъ степныхъ хищниковъ, а во-вторыхъ, прикрыть отъ ихъ разбоевъ рыбныя ловли на морѣ.

Но всѣ эти пограничныя военныя мѣры мало достигали цѣли и скоро въ степяхъ образовалось правильное возстаніе подъ предводительствомъ предприимчиваго удалыа Кенисары Касимова, продолжавшееся 1845 и 1846 годы, когда, наконецъ, Кенисара былъ убитъ дикоканскими киргизами; въ то же время генералъ Обручевъ основалъ въ степи укрѣпленія на рѣкѣ Ирғизѣ и Тургаѣ (Оренбургское и Уральское). Въ 1847 году, по волѣ императора Николая, явилось укрѣпленіе на рѣкѣ Сырь-Дарьѣ (укр. Рамъ, вѣроятно названное Аралскимъ), а еще предъ этимъ, въ сибирской степи, основанъ Копаль, за которымъ начинались кочевья Большой Орды. Орда эта въ 1846 году приняла русское подданство, а до того времени была независимой или номинально подвластною то китайцамъ, то кокандцамъ. Такимъ образомъ въ 1847 году наша государственная граница, по крайней мѣрѣ теоретически, перешла за рѣку Или къ хребту Алатау, къ рѣкамъ Чу и Сырь-Дарьѣ. Надо замѣтить, что вся средняя часть этой границы, по правой сторонѣ р. Чу и р. Сырь-Дарьи представляетъ безплодную степь, гдѣ нѣтъ возможности ни селить станицъ, ни возводить укрѣпленій, нельзя даже держать никакихъ, хотя-бы легкихъ, подвижныхъ военныхъ отрядовъ. Чтобы образовалъ здѣсь линію, необходимо было перейти рѣку Чу и стать по крайней мѣрѣ у подошвы Киргизинъ-Алатау, Боролдая и Каратау, занявъ въ то же время рѣку Сырь-Дарью до Акъ-Мечети¹⁾ или Джулека. Мало-по-малу это было сдѣлано, сперва занятіемъ рѣки Сырь-Дарьи до Акъ-Мечети въ 1853 году и водвореніемъ русскихъ поселеній за р. Или (1855 г.), а потомъ занятіемъ Токмака, Пишпека (1860 г.), Аулізъ-ата, Джулека, Азрета, Чимкента (1862—1864 г.). Разгорѣвшаяся по поводу этихъ пріобрѣтеній война съ кокандцами привела насъ къ завоеванію Ташкента, который и былъ взятъ штурмомъ 11 іюня 1865 года, подъ начальствомъ генерала Черняева. Когда Кокандъ сдѣлался послѣ этого не опаснымъ для Россіи, то главнымъ нашимъ врагомъ въ Средней Азіи явилась Бухара, и Бухарскій эмиръ неоднократно предъявлялъ дерзкія требованія сначала генералу Черняеву, а потомъ генералу Романовскому, чтобы русскіе отошли отъ Ташкента. Окрестное населеніе волновалось и готово было поддерживать Бухарскаго эмира. Съ минуты на минуту можно было ожидать общаго народнаго возстанія; поэтому необходимо было дѣйствовать смѣлымъ и рѣшительнымъ образомъ. Битва при Ирджарѣ, 8 мая 1866 г., упрочила наши завоеванія въ Средней Азіи и открыла путь къ новымъ побѣдамъ. Вслѣдъ за Ирджарскимъ разгромомъ былъ взятъ 24 мая Ходжентъ, сильная бухарская крѣпость на Сырь-Дарьѣ. Въ томъ же году взяты штурмомъ бухарская крѣпость Ура-Тюбе (2 октября) и Джизакъ (18 октября), а въ 1867 г. русскіе отряды стали въ 78 верстахъ отъ Самарканда, въ небольшой крѣпостцѣ Яны-Курганѣ. Въ 1868 г., послѣ битвы 1 мая, взяты: знаменитый Самаркандъ, бывшая столица Тамерлана, и сильная бухарская крѣпость Катты-Курганъ. Это нанесло Бухарѣ рѣшительный ударъ.

Оставалось занять Фергану, что и было сдѣлано въ началѣ 70-хъ годовъ.

Вотъ приблизительно тотъ путь, которымъ мы проникли въ Среднюю Азію, въ Туркестанъ. Мы пришли сюда совершенно неожиданно какъ для самихъ себя, такъ и для туземцевъ, конечно. Мы двигались впередъ потому, что обстоятельства заставляли насъ идти впередъ. Понятно, что мы явились совершенно не подготовленными. Если пѣхоты кое-какія свѣдѣнія объ этой странѣ, то они и по сіе время, большею частью, лежать въ архивахъ. Пришлось изучать край на мѣстѣ.

¹⁾ Акъ-Мечеть—фортъ Перовскій, нынѣ уездный городъ Перовскъ.

Въ промежутки 1865 — 1890 гг. въ этомъ направлении мы сдѣлали не мало. Положимъ, что еще много есть надѣлъ поработать, еще до сихъ поръ край называютъ „непечатымъ“; но теперь мы можемъ производить свои изслѣдованія съ большимъ успѣхомъ.

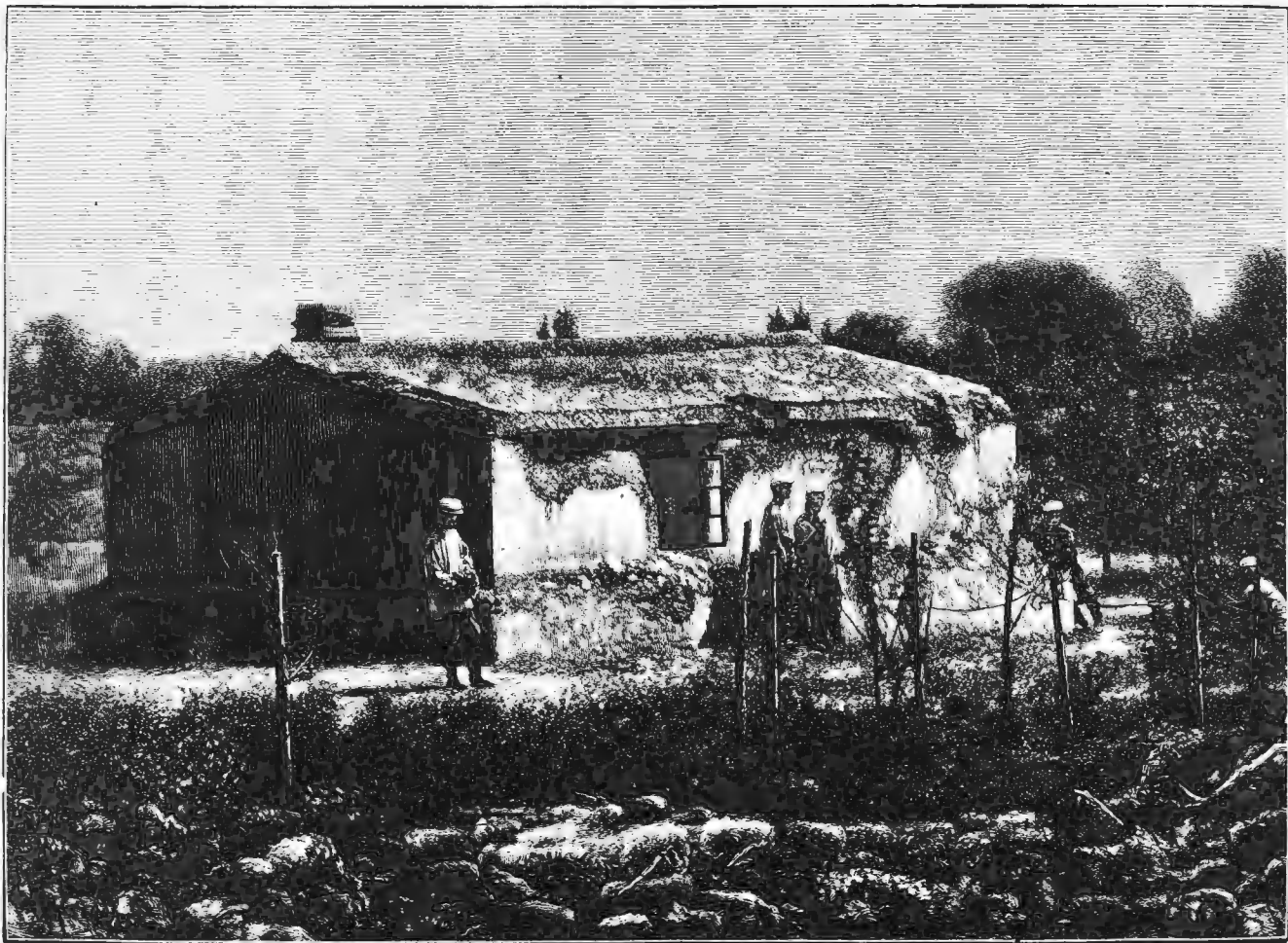
Взглянемъ только на Ташкентъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Прошло двадцать пять лѣтъ со дня завоеванія Ташкента — и городъ сталъ неузнаваемъ. Если бы пришлось кому-нибудь приѣхать сюда послѣ 25-лѣтняго отсутствія, то онъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ, до того измѣнился наружный видъ города. Въмѣсто прежнихъ мазанокъ, мы имѣемъ каменные двухъ-этажные зданія (6 корпусовъ гимназій, магазины и даже инокоторыя казармы); вмѣсто азиатскихъ деревьевъ, украшавшихъ сады и улицы города, мы видимъ много европейскихъ; улицы сдѣланы широкія и главныя изъ нихъ вымощены, а остальные прекрасно шоссеваны; давно уже нѣтъ той баснословной грязи, которая дѣлала путеше-



Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, М. Н. Галнинъ-Враскій.
Съ фотогр. Денъера, грав. Шюблеръ.

ствія по улицамъ невозможными. Каждый годъ даетъ намъ одно или нѣсколько улучшеній. Мы имѣемъ прекрасный гостинный дворъ; роскошный Константиновскій скверъ составляетъ истинно одно изъ лучшихъ украшеній города. Весь городъ тонетъ въ зелени, такъ что путникъ издали видитъ одну сплошную массу зелени, и посреди высокородняющей ея крестъ Прображенскаго собора свидѣлствуетъ о томъ, что это большой русскій городъ.

По послѣднимъ свѣдѣнїямъ, собраннымъ къ 1 марта 1890 г., общая площадь городской территории — 176 кв. верстъ, число населенія города 12,880 человекъ въ русской части города, безъ войскъ, и 120,585 человекъ туземнаго населенія въ азиатской части Ташкента; въ русскихъ учебныхъ заведенїяхъ число учащихся 1,018 человекъ обоего пола, а въ азиатскихъ школахъ и медресе 8,305 человекъ; число фабрикъ и заводовъ въ Ташкентѣ 666; вырабатываемыхъ на нихъ издѣлій производится на сумму 2,289,915 руб.,



Домикъ генерала Черныева въ Ташкентѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

число рабочих 1,593 человек; годовой оборот торговли Ташкента достигает теперь весьма солидной цифры: по привозу до 8 миллионов руб. и по вывозу до 7 миллионов руб.

Промышленность развилась уже сравнительно до высокой степени, результаты чего мы увидим на Среднеазиатской сельско-хозяйственной промышленной выставке, которая открывается осенью текущего года по случаю празднования 25-ти-лѣтія Ташкента.

Прилагаемый рисунок представляет домъ генерала М. Г. Черняева. Это былъ первый русскій домъ, построенный тогда по взятіи города Ташкента. Въ настоящее время онъ еще существуетъ, но въ очень плачевномъ состояніи, а въ скоромъ времени вѣроятно будетъ окончательно уничтоженъ, такъ какъ по распланировкѣ города здѣсь рѣшено построить новыя казармы. Вблизи домика находится русская крѣпость, а за крѣпостью уже начинается азиатская часть города. Домикъ Черняева послужилъ какъ бы разграничительною чертою между азиатскою и русскою частями города; отсюда начали строиться русскія зданія, разбивались улицы и т. п. Это, можно сказать, первая точка укрѣпленія въ Ташкентѣ.

С. Лидскій.

Политическое обозрѣніе.

Англо-германское соглашеніе о разграниченіи колоніальной политики въ Африкѣ обсуждается многократно и многообразно, но недовольныхъ имъ, кажется, болѣе, чѣмъ вначалѣ ожидали. Къ недовольнымъ надо причислить и князя Бисмарка, вдохновляющаго, какъ слышно, *Hamburger Nachrichten*, которые назвали нынѣшній англо-германскій договоръ — „это гласное и торжественное доказательство дружбы между Германіей и Англіей“, по словамъ вѣнской *Fremdenblatt*, — „одною изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ, такъ какъ въ Восточной Африкѣ черезчуръ много уступлено англичанамъ, которые провели пѣтушекъ самымъ смѣшнымъ образомъ“. Съ другой стороны, въ Англіи, только консервативныя органы довольны соглашеніемъ. За-то другія газеты, въ большинствѣ случаевъ, осуждаютъ его. *Daily News* упрекаетъ министерство въ податливости и замѣчаетъ, что оно не было въ силахъ устоять противъ германской энергіи и не защитило надлежащимъ образомъ англійскихъ интересовъ. *Daily Chronicle* называетъ договоръ прямо позорнымъ и унижительною, которымъ уступается приобретенный дорогою цѣною Гельголандъ. Въ этой уступкѣ та же газета видитъ начало разложенія Британской монархіи, такъ какъ теперь можно ожидать, что Италия и Испанія прибѣгнутъ къ такой же разбойничьей тактикѣ, какъ и Германія, и потребуютъ, первая — Мальту, а послѣдняя — Гибралтаръ.

Въ Германіи, въ свою очередь, указывая на громадныя уступки въ Африкѣ, которая ничто въ сравненіи съ утратой, послѣдствіе этихъ уступокъ, нѣмецкаго вліянія на материкѣ чернокожихъ, въ то же время сомнѣваются въ выгодахъ приобретенія Гельголанда и много толкуютъ о стратегическомъ значеніи острова. Нѣкоторые, во главѣ съ адмираломъ фонъ-Генке, доказываютъ, что Гельголандъ, находящійся въ разстояніи всего 50 верстъ отъ устья Эльдера, Эльбы, Везера и Яды, служить ключемъ къ главнымъ торговымъ портамъ Германіи на Нѣмецкомъ морѣ и можетъ имѣть важное оборонительное значеніе на случай войны. Другіе прибавляютъ, что въ рукахъ германцевъ этотъ островъ можетъ приобрести также значеніе наступательное и служить отличнымъ опорнымъ пунктомъ для смѣлыхъ дѣйствій германскаго флота и мѣстомъ, въ которомъ онъ можетъ всегда найти надежное убѣжище.

Но на ряду съ этими разсужденіями встрѣчается не мало замѣтокъ отрицательнаго свойства. Такъ, въ *Rheinische Courier* другой специалистъ морскаго дѣла, адмиралъ фонъ-Вернеръ, возражая адмиралу фонъ-Генке, не признаетъ за Гельголандомъ никакого практическаго значенія. По его мнѣнію, Гельголандъ, приобретенный цѣною цѣлой имперіи въ Африкѣ, будетъ стоить громадныхъ денегъ и служить источникомъ безконечныхъ заботъ. Сооруженіе хорошаго порта и постройка укрѣпленій поглотятъ массу денегъ и, не смотря на это, непріятельскій флотъ все-таки будетъ въ состояніи пройти между Гельголандомъ и Кускафеномъ. Господствовать надъ каналомъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями островъ не можетъ, а въ самомъ благоприятномъ случаѣ можетъ лишь служить убѣжищемъ для миноносцевъ.

Въ Софіи военный кассационный судъ рассмотрѣлъ жалобы

Паницы и товарищей, которые протестовали противъ нарушенія закона и домогались, чтобы дѣло ихъ разбиралось не военнымъ, а обыкновеннымъ судомъ. При этомъ прокуроръ потребовалъ для Паницы смертной казни безъ смягченія наказанія, а для Колобова — ссылки въ каторжныя работы безъ срока. Но военный кассационный судъ, какъ телеграфируютъ въ Лондонъ изъ Софіи, утвердилъ всѣ вынесенные по дѣлу Паницы и товарищей приговоры.

Закончивъ одну комедію, болгарскіе лжеправители не могутъ жить покойно и снова напоминаютъ о себѣ, старую погудкой на новый ладъ о признаніи принца Фердинанда законнымъ главою Болгаріи. Для того болгарскіе правители, чрезъ своего агента въ Константинополѣ, Вулковича, обратились къ Портѣ съ нотой, въ которой въ энергичныхъ, но въ то же время почтительныхъ выраженіяхъ излагаютъ трудность положенія, создаваемаго продолжительнымъ образомъ дѣйствій Порты, отказывающейся признать принца Фердинанда. Нота требуетъ законной поддержки сувереннаго двора и оканчивается заявленіемъ, что если Порта отвѣтитъ и на этотъ разъ отрицательно, какъ то она сдѣлала недавно, то Болгарія почтетъ себя свободно отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ суверену, возвратитъ себѣ свободу дѣйствій и постарается выйти собственными силами изъ нынѣшняго неопредѣленнаго положенія. По словамъ *Neue Freie Presse*, нота болгарскихъ правителей произвела въ Турціи весьма неблагоприятное впечатлѣніе. И Кіамиль-паша, и нѣкоторые министры были приглашены во дворецъ для совѣщанія объ отвѣтѣ на болгарскую ноту. Никакого рѣшенія по этому поводу еще не принято. Вопросъ будетъ переданъ обычнымъ порядкомъ въ совѣтъ министровъ. Говорятъ въ официальныхъ кругахъ, что турецкое правительство или отвѣтитъ уклончиво, или же обратится съ запросомъ къ великимъ державамъ.

Рѣшеніе ребуса № 30 (помѣщеннаго въ № 20).

„Смѣлымъ Богъ владѣетъ“.

Рѣшеніе шарады № 28 (помѣщенной въ № 19).

Во-доч-на.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — Б. Кратирова, В. С. Вехъ, Москва — Р. Р. Карачана, А. Волкова, П. Зязина, В. А. Нуртасова, Деестъ, П. С. Александрова, Бану — И. Акинѣева, Б. Норовно — В. К. Терскаго, Екатеринбургъ — Н. Поповикова, Каменна — В. Я. Сердюкова, Кронштадтъ — О. Тонъ, Лебедянь — В. И. Чурилина, Люблинъ — В. Кондратьевъ, Она — К. Косолапова, Орель — Л. Бунакова, Полоцкъ — С. Берлинъ, Старица — П. Клаушанова, Славута — Е. Шнейдеръ, Харьковъ — В. Стратовитскаго, Ярославль — П. М. Т., П. Мосягина.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 29 (помѣщ. въ № 20).

1) $5d = d^2 - c^2$;	$a = 21 = \mathbf{У}$
2) $j : (b - f) = -\frac{2}{3}$;	$b = 4 = \mathbf{Г}$
3) $h^2 - e^2 = 128$;	$c = 16 = \mathbf{О}$
4) $(h + e) : (h - e) = 8$;	$d = 19 = \mathbf{С}$
5) $g + j = d$;	$e = 14 = \mathbf{М}$
6) $\sqrt{b + k} = 4$;	$f = 19 = \mathbf{С}$
7) $g - k = -1$;	$g = 11 = \mathbf{Й}$
8) $a : k = e : (d - g)$;	$h = 18 = \mathbf{Р}$
9) $2(f - j) = h$;	$j = 10 = \mathbf{І}$
10) $c = 16$;	$k = 12 = \mathbf{К}$

Мусоргскій.

Примѣчанія къ:

2) Чтобы получить настоящее значеніе дроби $\frac{36a - 4a^2}{4a^2 - 108}$, нужно ее сократить на $a - 3$.

6) Уравненіе $\sqrt{48x^2 + 7x - 0,8} = \sqrt[5]{2}$ возводимъ въ квадратъ:

$48x^2 + 7x - 0,8 = \sqrt[5]{4} = 4^{1/5}$; откуда получаемъ квадратное уравненіе:

$8x^2 + 7x - 1 = 0$; беремъ цѣлое рѣшеніе $x = -1$.

9) Назвавъ въ уравненіи $\sqrt{x + 350} - \sqrt{x - 853} = 3\sqrt{x + 350}$ черезъ y , видоизмѣняемъ его такъ: $y - \sqrt{y^2 - 1203} = 3$; откуда находимъ сначала $y = 202$, а затѣмъ $x = 40454$. Въ числѣ 40454 есть только двѣ значущія цифры 4 и 5; ими только могутъ начинаться искомыя пятизначныя числа.

Разсуждая такъ, мы находимъ сначала количество пятизначныхъ чиселъ, начинающихся съ 4 по формулѣ $\frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4}{1 \cdot 2} = 12$, а чиселъ, начинающихся съ 5 по

формулѣ $\frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4}{1 \cdot 2 \cdot 3} = 4$; а всего 16.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — К. Котохова, Б. Норовно — В. К. Терскаго, Лебедянь — В. И. Чурилина, Соколка — В. Сокозскаго, Ярославль — Д. А. Боговѣнскаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Г.г. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ САДЪ.

Разсказъ Поль Маргеритъ.

(Переводъ Е. И. Г.—чъ).

— Я нахожу, — проговорилъ, обращаясь ко мнѣ, де-Венсъ, грѣя у огня свои холодныя, длинныя и тонныя какъ у женщины руки, такія холодныя, что онѣ отъ жара не согрѣвались, а только краснѣли, — я нахожу, что помѣщенія, въ которыхъ живутъ люди, наполнены какою-то особою личною ихъ атмосферою; въ нихъ какъ бы витаютъ въ невидимыхъ атомахъ, въ незамѣтныхъ испареніяхъ, частички человеческихъ душъ. Только этимъ объясняю я то странное неприятное ощущеніе, которое испытываемъ мы, верные люди, входя въ жилища даже не обитаемыя, принадлежавшія когда-то людямъ несимпатичнымъ намъ по духу, людямъ другой, чуждой намъ породы или же тѣмъ субъектамъ, къ которымъ мы могли бы относиться съ враждебно и недружелюбно...

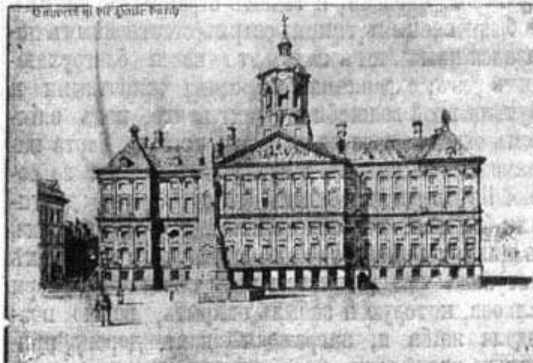
Произнося эти слова, де-Венсъ пристально глядѣлъ на меня своими странными, блестящими, ярко синими глазами.

— Вотъ тебѣ доказательство того, что я не ошибаюсь, — проговорилъ онъ. — Видѣ ты согласишься съ тѣмъ, что намъ плохо спится въ гостиницахъ? И не боясь воровъ лишаешь насъ сна? Намъ просто не спится отъ сознанія, что многіе незнакомцы жили до насъ въ этихъ самыхъ комнатахъ, спали на одной и той же постели, ступали по однимъ и тѣмъ же коврамъ, вытирались одними и тѣми же полотенцами. Видѣ какой-нибудь позабытой шпильки или пуговицы отъ жилета, найденной въ ночномъ столикѣ, такъ неприятно дѣйствуетъ на насъ, что намъ начинаетъ казаться, что мы ошиблись комнатою и, что вотъ-вотъ дверь откроется и кто-нибудь войдетъ къ намъ...

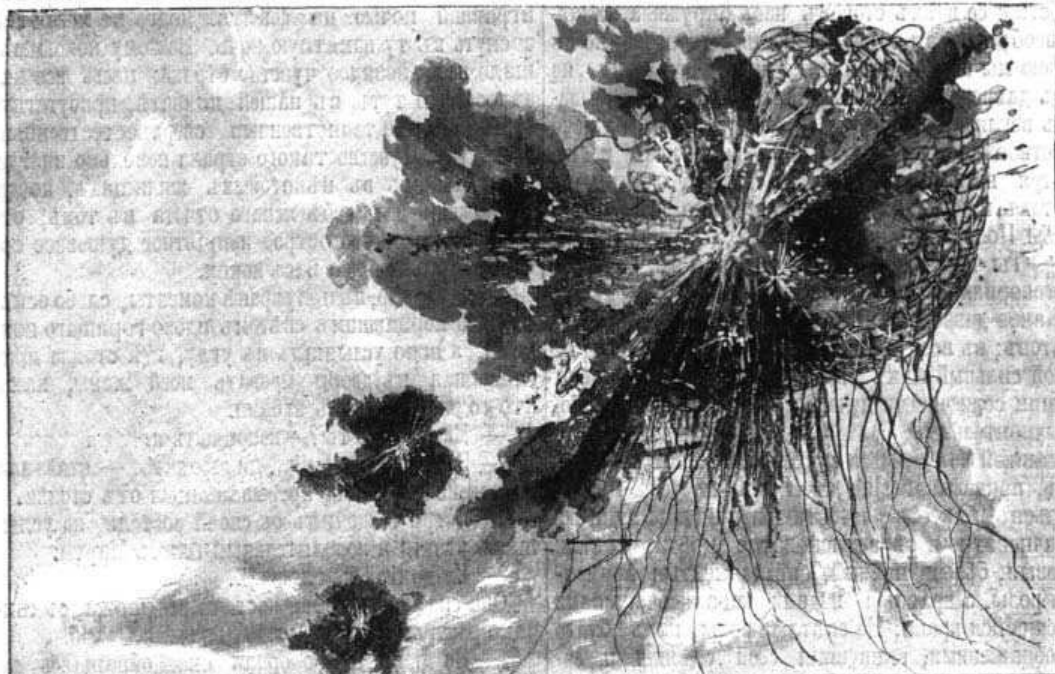
Де-Венсъ продолжалъ говорить, стоя у окна, на сѣромъ фонѣ котораго рельефно выдѣлялся высокій тонкій силуэтъ молодого человѣка, казавшійся мнѣ еще тоньше отъ его чернаго костюма. Со дня смерти своей жены, умершей три года тому назадъ, мой пріятель не оставлялъ траура.

— Никогда не чувствовалъ я такъ сильно вліянія незнакомой мнѣ обстановки, — продолжалъ онъ, — какъ въ тѣ зимы, во время которыхъ болѣзнь моей бѣдной жены заставляла насъ перекочевывать изъ Ниццы въ Алжиръ, изъ Алжира въ Палермо, изъ Палермо въ Каннъ. Намъ приходилось устраниваться въ виллахъ, ежегодно сдаваемыхъ выздоравливающимъ или же умирающимъ космополитамъ, бавальная роскошь которыхъ все-таки напоминала намъ меблированныя комнаты. Виллы эти, по расположенію своихъ верандъ, построенныхъ на итальянскій ладъ, по своимъ большимъ, широко раскрытымъ окнамъ, чрезъ которыя врывались цѣлые потоки яркихъ солнечныхъ лучей, походили скорѣе на саваноріи для больныхъ, нуждающихся въ солнцѣ и теплѣ. Особенно яркимъ сохранилось во мнѣ воспоминаніе объ одномъ домѣ и цвѣтущемъ садѣ, которые на мой взглядъ были позитивно заколдованы. Воздухъ, которымъ мы тамъ дышали, вредно отзы-

ПО ПОВОДУ ТОРЖЕСТВЪ ВЪ АМСТЕРДАМЪ.



1) Королевскій дворецъ. 2) Мостъ и шлюзъ на р. Амстель. 3) Рѣка Амстель. 4) Луга, прорѣзанные каналами и канавами въ окрестностяхъ Амстердама.



ОПЫТЫ ВЪ ШАЛОНСКОМЪ ЛАГЕРѢ, по берлинской «Mast. Zeitung», съ новой 75-ти миллим. скорострѣльной полевой пушкой: 1) Четвертый выстрѣлъ въ привязанной воздушный шаръ, находящійся на высотѣ 600 метровъ, съ разстоянія въ 6000 метровъ. 2) Результатъ стрѣльбы параллельно изъ одного скорострѣльнаго орудія въ теченіе одной минуты по мишенямъ, изображающимъ пѣхоту въ прикрытіи; черныя точки на мишеняхъ — точки смерти, — указываютъ мѣста, пробитыя пулями.

вался на насъ, онъ точно околдовывалъ наши сердца, въ немъ носилась какая-то сладостная пѣснь, парализовавшая нашу волю. Онъ дѣйствовалъ на насъ такъ, какъ дѣйствуетъ на людей, живущихъ въ лѣсныхъ чащахъ, злокачественная маalaria. Только въ послѣдствіи понялъ я причину этого страннаго состоянія.

Проговоривъ это, де-Венсъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ глядѣлъ молча на огонь. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Въ ту далекую уже зиму по предписанію докторовъ мы должны были отправиться въ Каннъ. Нашъ выборъ не могъ остановиться ни на одной изъ тѣхъ виллъ, на которыя указывалъ намъ хозяинъ нашей гостиницы, которому мы поручили

найти подходящее для насъ помѣщеніе. Ни одна изъ нихъ не удовлетворяла нашимъ требованіямъ. Мы собрались было въѣхать въ Каннъ поселиться въ Санъ-Ремо или въ Неаполь, но случай рѣшилъ иначе. Мы проѣхали, катаясь съ женою по городу, мимо большого огороженнаго сада, въ глубинѣ котораго между верхушками тѣнистыхъ деревьевъ выглядывалъ фасадъ стариннаго дома, стѣны котораго почти сплошь покрыты были плющемъ. На фасадѣ значилось, что домъ «сдается». Я позвонилъ у глухой изгороди, сдѣланной изъ ку-сковъ толя и скрывавшей отъ глазъ прохожихъ

садъ виллы. Старый хромоу садовникъ, явившійся на мой звонокъ, отперъ намъ калитку сада. Откуда и почему являлся у насъ неожиданный симпатичный и антипатичный къ совершенно незнакомымъ людямъ? Взглянувъ на садовника, я сразу почувствовалъ къ нему неопредѣлимую антипатію и какое-то скрытое недоброежелательство. У старика былъ какой-то надутый, злой видъ, видимо, онъ былъ недоволенъ нашимъ появленіемъ, недоволенъ тѣмъ, что его потревожили. Впрочемъ, онъ молча пошелъ впередъ насъ съ очевиднымъ намѣреніемъ обойти съ нами домъ. Войдя въ садъ, я

сразу почувствовалъ, что вокругъ меня въ воздухѣ витаетъ что-то особенное, что-то сверхъестественное. Въ саду росли одні только розы; безчисленныя, яркія, прекрасныя, онѣ цвѣли тамъ благоухающими массами. Куда ни взглянешь — розы и розы, тутъ цѣлыя снопы этихъ дивныхъ цвѣтовъ, тамъ цѣлыя каскады изъ нихъ. Розы вились по стволамъ деревьевъ и, перекидываясь съ одной древесной вѣтви на другую, образовывали какъ бы висачіе цвѣтущіе мосты. Онѣ росли въ безпорядкѣ, но безпорядкѣ причудливомъ, оригинальномъ, гармоничномъ. Часть сада представляла изъ себя нерасчищенный лѣсъ, гдѣ розы бѣлыя, красныя, розовыя и свѣтло-палевыя цвѣли тысячами. Свѣтло-желтыя розы, освѣщенные яркимъ солнцемъ, свѣтились, какъ пламя многочисленныхъ зажженныхъ свѣчей. Тамъ, гдѣ кончался дѣвственный цвѣтущій лѣсъ, начинались правильныя, ровныя искусственныя аллеи изъ цвѣтущихъ кустовъ. Розы бѣлыя, розовыя, красныя, подрѣзанныя на одинаковой высотѣ, тянулись рядами и казались бордюромъ чудеснаго индійскаго ковра; тамъ, вдали, видѣлись массы темныхъ, огромныхъ красныхъ розъ и, выдѣляясь на фонѣ яркой зелени, казались лужицами темной крови. Еще дальше видѣлась цѣлая арка изъ вѣтвистыхъ махровыхъ розъ. Вѣтеръ осматривалъ землю листьями отцвѣтавшихъ цвѣтовъ, а нарождавшіеся новые, казались, распускаясь, тутъ же на нашихъ глазахъ. Сильный и вѣтливый запахъ, исходящій отъ всѣхъ этихъ цвѣтовъ, наполнялъ садъ какимъ-то особеннымъ благоуханіемъ; запахъ этотъ одновременно ошарашивалъ и ублачивалъ, успокаивалъ и наводилъ уныніе; душа какъ будто бы обмирала, сладостная грусть наполняла все ваше существо и непрощенныя слезы навертывались на глаза. Здѣсь, въ этомъ волшебномъ саду, у васъ не было желаній, не чувствовалось болѣе страданій, и только хотѣлось «умереть». Никогда не забуду я выраженія лица моей покойной жены, не забуду экстаза, свѣтившагося въ ея глазахъ, не забуду звука ея умоляющаго голоса, когда она обернулась ко мнѣ и проговорила:

— О Роже!

Пробсѣда жены была для меня болѣе чѣмъ приказаніемъ. Осмотрѣвъ домъ, обстановка котораго, состоявшая изъ прекрасныхъ старинныхъ вещей и мебели, обтянутой выцвѣтшими старинными тканями, придавала всей этой виллѣ особенный изысканный видъ и рѣзко отличала ее отъ нашихъ прежнихъ наемныхъ жилищъ, бавальная роскошь которыхъ такъ страшно надоела намъ, мы распорочились съ садовникомъ и, усѣвшись въ экипажъ, сразу рѣшили ѣхать къ тому доверенному лицу владѣльцы виллы, къ которому должны были обращаться всѣ, желавшіе нанять этотъ домъ и садъ, носившіе названіе «Царство розъ». Повѣренный привалъ насъ съ вѣжливымъ, холоднымъ и дѣловымъ видомъ официальнаго лица. Жесты его, какъ у большинства его собратій, были одновременно осторожны и угловаты. Передъ



Ген.-отъ-инф. Г. А. ЛЕБЕРЪ, членъ Военнаго Совѣта, бывшій начальникъ Николаевской Академіи генеральнаго штаба.

чтеніемъ контракта онъ проговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Милостивый государь! Я долженъ предупредить васъ объ одномъ важномъ условіи, тѣмъ, котораго быть можетъ испугаетъ вашу супругу, но которое, къ сожалѣнію, ни подкакивающимъ предлогомъ не можетъ быть нарушено. Отъ жильцовъ виллы требуется, чтобы они не касались сада и, кромѣ того, «ни одна» изъ розъ не можетъ быть срѣзана или сорвана пни. Нельзя воспользоваться хотя бы однимъ только цвѣткомъ, не нарушая предсмертнѣ волю покойной владѣльцы виллы. Непослушаніе сего условія повлечетъ за собой нарушеніе контракта, съ уплатою неустойки нынѣшней владѣльцѣ, которая всту-



Ген.-лейт. Н. Н. СУХОТИНЪ, начальникъ Николаевской Академіи генеральнаго штаба.

пила во владении домом под теми же условиями, обещая сохранить заветы своей умершей матери сама и требовать этого от случайных обитателей виллы. И так, милостивый государь, я прошу у вас и у вашей супруги устного обещания исполнить волю усопшей. Я удовлетворюсь вашим честным словом!...

Проговорив это, повзвонив, очевидно, увидев безпокойство на лице моей жены и замечавший выражение удивления в моих глазах, так как поспешно прибавил:

— Как вы, вероятно, это уже знаете, дом этот принадлежал княгине Черской! — Сказав это, повзвонив больше ничего не добавив, не то подчинялся своей профессиональной скромности, не то по нежеланию распространяться о том, о чем, по его мнению, все жившие в Канье должны были бы знать. Но потом, как бы извиняясь, он проговорил, разглядывая кончики своих ногтей:

— У мертвых иногда бывают странные фантазии, впрочем, и у живых также!

Что оставалось нам делать после этих слов? Мы решили отложить до утра наше окончательное решение. Вернувшись домой, мы стали разсуждать у знакомых про виллу княгини Черской, но все отбывали нам очень неопредленно и странно.

— Ах, да! — говорили одни. — Вилла принцессы Черской! Как же, как же! Там так много роз!...

Другие поясняли с каким-то сожалением:

— Там чудный вид на море! — говорили они. — Мы слышали, что в вилле прекрасная обстановка! В дом остались все вещи, принадлежавшие покойной княгине; там ничего не изменили со дня ее смерти!...

Никто не добавлял:

— Ах, да, дочь княгини! О ней мы, право, ничего не знаем. Она, говорят, замужем за герцогом д'Альби, живет в Вилье и никогда сюда не заглядывает!...

Недобавив ничего определенного, мы решили нанять эту виллу и сдаться временными владельцами сада, в котором цвели такие дивные розы. Я говорю владельцами, но не пропущу ли это, — любования цветами, вдыхая их дивный аромат и быть лишены права касаться до них! Говоря откровенно, мне лично было совсем безразлично рвать или не рвать розы, я даже всегда предпочитал любоваться живыми цветами, качающимися на стеблях. Но каждое запрещение заключает в самом себе какое-то оскорбление, следствием которого является невольное желание, во что бы то ни стало, добиться своего. Я испытывал, сам не зная почему, какое-то неприятное чувство от сознания того, что согласился на подобные стеснительные условия. Кроме того, я очень боялся, что если неприятно будут отзываться на настроение моей жены. И впоследствии оказалось, что я в этом отношении не ошибся. На следующий же день когда мы, гуляя по саду, зашли в самую его часть, жена моя под влиянием мимолетного неосторожного желания, которыми так часто страдают женщины, протянула руку к дивной чайной розе. Я поспешно ласково остановил ее, проговорив:

— Рвать розы не разрешается, милая Марта!

Она послушно отдернула руку, но через минуту я увидел на ее щеках крупные слезы. Через несколько минут, ссылаясь на мигрень, жена моя вернулась к себе в комнату. Мне, отличному соображавшему всю силу нервной болезни Марты, было невыносимо видеть ее такую незначительную страдания. Недолго думая, отирался я в чашу сада, где цвели дивные пурпуровые розы и, со стыдом в душе, отлучив сознавая, что поступаю низко, не сдерживая данного мною обещания, но радуясь возможности сдаться приятное жену, я парализовал своим нерочным жестом около двух десятков благоухавших цветков. Но неожиданно я замечая позади себя на песке тень; старый садовник стоял передо мною и, глядя на меня с упрямой, бормоча голосом одновременно грустным и злым:

— Это запрещено!

Зачащенный располх, я покраснел как ребенок, но тотчас же вынул из кармана золотую монету и протянул ее старику; садовник отошел от меня покачивая головой и голосом, в котором звучала почти угроза, проговорил:

— Это запрещено!

Пожимая плечами, разозленный, пристыженный я унес цветы. Желая успокоить себя, я мысленно себе твердил: «Какой отвратительный старик этот садовник! Какое несимпатичное у него лицо! И, в сущности, что сдвинуло я дурного? И как это все глупо, однако!»

— На! — проговорил я, обращаясь к жене и кладя ей розы на колени; но Марта не взглянула на цветы, не дотронулась до них; розы соскользнули с ее колен и упали на пол. Я поднял цветы и поставил их в вазу, но, как и жена, они не доставляли мне удовольствия, аромат их даже как-то раздражал меня. Я не испытывал какое-то неприятное ощущение невольности от сознания своей неправоты. Три дня спустя после этого события я был очень удивлен, когда в час ночи моя жена, которой почему-то не хотелось спать, ласкалась ко мне, проговорила:

— Теперь так тепло и тихо! Пожалуй, пройдет со мною по саду. Я оденься потеплее и по-таране не протрещусь. Ты согласишься, Роже?...

Я открыл дверь на веранду; действительно, ночь была тиха и тепла, небо сияло звездами,

теплый ветер шелестил цветущими кустами, озаренными полною луною. От роз несло сильное приятное благоухание, от которого все существо наполнилось какой-то необыкновенной лаской, сожалею и желанием, без формы и цвета, действовавшими на вас так же, как действует музыка симфонии, которую слышите с закрытыми глазами. Розы, которыми мы не пользовались, которыми сдвинулись нам чуждыми и почти враждебными со дня происшествия с букетом, притягивали нас теперь к себе в эту ночь, когда мы знали, что на нас не глядят из-за угла своими злыми глазами старый садовник. В эту ночь тихий и безмолвный сад, в котором не шибетали птицы, освещенный луною, казался нам иным, чем при ярком солнечном свете!...

Обращаясь к Марте, я проговорил:

— Подем!...

II.

Как светло было в этом волшебном саду, светло как днем. Сама Марта, освещенная полною луною, в своем белом платье, с своими пестрыми волосами, бледным и прозрачным лицом, казалась нам каким-то сверхъестественным и лучезарным призраком. Она улыбалась мне, подобно больному ребенку, грустно и милою улыбкою, и, глядя на нее, я чувствовал как мое сердце сжимается под давлением тяжелых предчувствий. Какие думы бродили в голове моей больной жены в эту лунную благоухающую ночь? Сознала ли она всю эфемерность нашей жизни, понимала ли она всю силу своей опасной болезни, предчувствовала ли близость своей кончины? Быть может ее просто волновал страх перед таинственностью этого странного сада, страх перед неясными, безформенными очертаниями тени, видевшихся в его глубинах. И в самом деле в воздухе носилось какое-то волшебство, со всех сторон нас окружала какая-то необъяснимая таинственность. Одновременно с женою мы почувствовали желание обернуться, но под давлением необъяснимого страха не решились взглянуть назад, а между тем мы ясно чувствовали что-то дыхание позади нас и, несмотря на полное отсутствие ветра, листья на кустах и деревьях как-то странно шелестели. Нить! Положительно сад был заколдован!

— Ты чувствуешь, как пахнут эти розы? — проговорила наконец Марта.

Какое дивное благоухание шло от этих цветов; в воздух носился аромат, правда, не такой сильный как днем, когда розы освещены яркими солнечными лучами, но более внятный, более утонченный, более сладостный, — как будто сотканный из нити и истомы и пронизывавший нас, пронизывавший до мозга костей. Из листьев и веток, которые окрашивала луна в коричневатые и сиренево-зеленоватые цвета, блуждали розовые, белые, чайные, светло-желтые ароматы роз, а красная издала казалась кусками застывшей крови. Но светлые розы, как будто бы обожженные, скинувшие свои одеяния и застывшие врасплох во время сна, как наслаждались они приятным, ласкающим фосфорическим освещением, парившим в саду. Любуясь ими, мы с Мартой поняли, что гуляем в волшебном заколдованном саду.

Как бы для совершения очарования, в аллеях сада в то время, когда мы очутились в глубинах его у бассейнов, покрытых водяными растениями, раздались живые, почти человеческие голоса, посылались грустный и внятный напев, в котором звучали только две ноты — свистлая и хрипавшая. Это — жабы напевали свою меланхолическую песенку, при звуках которой моя жена повисла на моей руке и голосом, в котором слышалось инстинктивное отвращение, так часто испытываемое женщинами при виде пресмыкающихся, проговорила:

— Скорее, Роже! Скорее вернемся домой!...

Медленно разогнувшись белые жабы, мы вникали, казалось, какому-то хрипу любви и сна. То слышалось solo самки, отвечавшей своему возлюбленному, то вдруг начинался дуэт обоих супругов и одновременно слышались звуки двух голосов — пронзительного и степенного. Мало-по-малу монотонная симфония утихла и в проснувшейся эхо стало отвечать ей со всех сторон. Казалось, что во всех углах сада, под каждым розовым кустом, в каждой клумбе, под каждым деревом эта жаба напевала свой любовный, тонкий и порывистый дуэт.

— Я боюсь, Роже, — проговорила Марта, — вернемся скорее.

Но в это мгновение охватившее нас очарование приняло другую форму. Мы услышали жалобный звук флейты. Неведомо откуда неслись эти звуки. Странная, отдаленная, усыпляющая и оригинальная мелодия повисла в воздухе. И неожиданно все смолкло вокруг нас, слышались только звуки флейты; прекратился жалобный напев жабы; замер цветущий сад; раздавались только кристальные ноты инструмента, звучавшие, как звучат водяные капли или рассыпанные жемчужинки, падающие на землю. Возле чего-то замаскированного листьями. Посылались еще шепот, потом другой, все ближе и ближе. Жаба запрыгала по алее, за ней другая, потом третья. Волшебные ли звуки флейты притягивали к себе пресмыкающихся? Неужелиже приславшая жабы, одна за одной, запрыгали по алее, освещенной луною; я почувствовал, что жена моя вся дрожит от страха; видя себя от ужаса она проговорила:

— Роже, Роже, взгляни же на них!

Звуки флейты, повидному доносившиеся со

стороны дома, притягивавшие к себе пресмыкающихся, морщинистых и черных пресмыкающихся вдруг смолкли. Преполненная толпа жаб моментально остановилась. Бллые зобы животных надулись и как бы отбывали на звуки флейты снова зазвучала их монотонная песня любви. Но флейта заиграла вновь и на этот раз звуки ее неслись не смолкая, и таким странным, таким необыкновенным, таким сверхъестественным показалась нам эта сажа, эта масса благоухающих роз, охраняемая поющими животными и звуками этой волшебной флейты, что, под влиянием охватившего ее сильного страха, Марта направила бегом к дому, увлекая меня за собою. Но в этот момент, когда мы уже достигли балкона, с облегчением людей, близких к цели, жена моя громко крикнула и в страхе отступила назад. На пороге стеклянной двери балкона, которую я забыл закрыть, важно высидела жаба и, заграждая нам дорогу, пристально глядела на нас своими круглыми глазами. Но помощь явился внезапно. Мы услышали за собою поспешные шаги и, обернувшись, увидели старого садовника, странного очарователя таинственного сада, который шел к нам с флейтой в руках. Он поднимал инструмент, как поднимает дирижер свою палочку перед оркестром. Глядя на приподнятую флейту, жаба решилась удалиться. Медленно, как бы с сожалением, спустилась она со ступеней подъезда, и мы могли безразличествующе войти к себе, сопровождаемые взглядом строгих глаз садовника, повидному ожидавшего, чтобы дверь захлопнулась за нами. Ни одним словом не обмолвились мы со стариком. Мы не могли произнести ни звука: такое чувство страха и ужаса перед необыкновенным навью на нас эти, сами по себе ничего ужасного не представлявшие розы, эти птахи и скакавшие животные и этот старик, правивший ночью на флейте. Долго не могли мы заснуть в ту памятную ночь. Нашему покою мешало необъяснимое чувство страха; нам все казалось, что тут, в нашей комнате, присутствуют какие-то таинственные сверхъестественные существа. Чувство такого страха невольно иногда лезло в голову в некоторых жилищах, когда не можешь дать себе ясного ответа в том, откуда является это острое неприятное душевное состояние, лишающее вас покоя.

Неожиданно, в полумраке комнаты, слабо освещенной мерцающим светом плохо горящего ночника, я ясно услышал в углу, где стояла прикроватная кровать моей жены, как кто-то заскрежетал зубами.

— Марта, это ты? — вскричал я.

— Это я... у... меня... лихорадка!... — ответила

моя жена голосом, прерывавшимся от страха.

Я быстро соскочил с своей постели, но услышал резкий и повелительный голос Марты:

— Не двигайся, слушай!...

Она сидела на своей постели вся дрожа, с широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Не дыши! — говорила она, обращаясь ко мне. — Не дыши, слушай!... слушай!... Ты слышишь дыхание, кто-то дышит под моею постелью?...

В самом деле, тихий, неповторимый звук, как-то такое странное дыхание слышалось в комнате. Но кто мог проникнуть сюда через открытую дверь, во время нашей прогулки?

Я поспешно зажег свечу и с карманным револьвером в руках заглянул под кровать Марты, которая продолжала дрожать и твердила:

— Берегись, берегись, Роже!...

Под кроватью никого не оказалось, за дивном также. Я быстро заглянул за ширму в угол комнаты — также никого, а между тем непонятное дыхание делалось все громче и громче, казалось, что дышит существо, которому страшно и которое прячется. Я стал передвигаться, но вдруг услышал крик жены; что-то черное запрыгало по ковру; двинулась огромная пятнистая жаба, до тех пор скрывавшаяся под стулом. Миготом бросился я к двери, надысь отпереть ее и выгнать противное животное, но не тут-то было: жаба, испуганная криком жены, бросилась в ее сторону.

— Выбрось ее, выгони ее! — кричала Марта, крича во всю силу легких.

Легко сказать! Я так же боялся отвратительного пресмыкающегося, как и она. Я поспешно положил на камин револьвер, оставивший тут нехоти и, вооружась палкою, погнался за жабою. Она прыгнула под кресло, я успел ее выгнать оттуда, но затеяла она уныряться вскопчить на стул. Сильным ударом палки я откинул ее в противоположный угол комнаты, но, вместо того, чтобы спастись через открытую дверь, жаба прыгнула под кровать Марты. Соскочившая на ноги жена бросилась к сонетке и, звоня из всех сил, оторвала ее. Жаба забилась под кровать в самый угол и не рвалась покинуть своего места. Лежа на полу, я из всех сил старался выгнать палкою пресмыкающегося, но все мои усилия оставались тщетными. Палка прижалась к мягкому рыхламу тлу животного и нервная дрожь охватывала меня. Я выхватил из ножен пинагу и из всех сил отодвинул кровать, в надежде добраться до отвратительного животного. На этот раз жаба двинулась с места и в один прыжок очутилась у лампа: она обогласа о твоящие в нем уголки и снова запрыгала по ковру; долго пришлось мне бегать за нею, пока наконец не удалось приткнуть животное к ногам кресла и прозвизг его пинагой. Блдо брыкнула сразу опало, кровь брызнула на ткань кресла, лапы ее судорожно задирались, а глаза почти

выскочили из орбит. В этот самый момент Марта упала на руки вбжавшей на звонок горничной; у жены начались конвульсии и в продолжение двух недель она не могла покинуть постели, страдая от ужасной лихорадки с страшными бредом.

Де-Венс на несколько минут замолк. Он как будто бы мысленно разбирал какой-то вопрос, но потом продолжал:

— Когда жена моя разрыдалась встать с постели, — начал он, ей захотелось во что бы то ни стало покинуть виллу. Мы переменили комнату, но она все же не могла совладать с своим страхом. Как и мы, впрочем, ей все мерещилась проткнутой пинагой жаба с судорожно вытянутыми лапками, с распоротым белым брюшком, из которого сочились яркая кровь. Доктор, явившийся в ночь катастрофы, объявлял нам, что убитое животное была самка. По всей вероятности, вместе с самцем сдвинула она на пороге балкона, когда появился старый садовник. Повидному, она не успела выскочить вместе с ним в сад и попала в зал, а оттуда к нам в спальню. Я вспоминаю, что в продолжение нескольких минут дверь из спальни в зал оставалась открытой (мы спали внизу, так как комнаты верхнего этажа оказались чересчур холодными). Вот вам и простое объяснение всего происшедшего.

Но кто объяснит мне таинственное очарование благоухающего сада этой виллы, ужас этой тревожной ночи, странную случайность, благодаря которой несчастное животное попало к нам в спальню, чтобы так страшно напугать нас и затеять поглотить? Кто разъяснит мне тысячи необъяснимых ощущений, охватывавших нас во время нашего пребывания в этой вилле, ощущение, окутывавших нас каким-то недомоганием и невольностью? Откуда и кем навевались на нас ночью странные и таинственные сновидения, почему оковывала нас днем эта сладостная истома, действовавшая на нас, как злокачественная малярия? Наконец откуда шли эти таинственные необъяснимые страхи, вся эта лучезарная тоска цвета роз, эта томительная жажда смерти, одним словом, все ощущения, символизировавшие эту странную таинственную виллу? Кто объяснит мне все это?

Надо сознаться в том, что когда контракт был нарушен и когда три недели спустя мы покинули «Парство роз», все молчавшие до тех пор языки сразу заговорили. Перед нами уже не стали скрывать того, что в этой таинственной вилле в продолжение двадцати лет, до самой своей смерти, жила безумная княгиня Черская. Нам объявили, что там застрелился ее молодой сын... но... во все это же не доказательство?

П голосом нерешительным и в котором звучало сомнение, де-Венс еще раз проговорил:

— Но ведь это же не доказательство!...

ДОМИКЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВА ВЪ ТАШКЕНТѢ).

Скоро на домикъ опустѣлый
И вспоминаю тотъ моментъ,
Когда, рѣшая на подвѣтъ смѣлый,
Чернышевъ штурмомъ взялъ Ташкентъ.

Два мѣсяца прошло, какъ молодецкая войска, подъ начальствомъ Михаила Григорьевича, послѣ уорнаго и кровопролитнаго боя, продолжавшагося цѣлыя сутки, занялъ гор. Ташкентъ, эту древнѣйшую Средне-Азиатскую столицу, съ столѣтнимъ населеніемъ, служившую главнымъ оплотомъ мусульманскаго владычества въ Туркестанскомъ краѣ. Русская жизнь стала понемногу водворяться въ завоеванномъ городѣ, на улицахъ послышалась русская рѣчь, все приходило въ надлежащій порядокъ. Первоначальный страхъ, охватившій населеніемъ, смѣнился полнымъ довѣріемъ. Туземцы поняли, что русскій грозеетъ въ бою, но добръ и сердеченъ въ мирное время, и охотно стали сближаться съ нимъ. Оживленный торгъ открылся въ самомъ лагерѣ. Хотя между туземцами и были фанатики, питавшіе непримиримую вра-

* Рассказъ этотъ былъ препровожденъ М. Г. Чернышеву для прочтенія и разрѣшенія напечатать, на что послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

Петербургъ, 21-го февр. 1895 г.

«Алексѣй Николаевичъ!»
Письмо ваше и приложенная къ нему статья, для прочтенія, тронули меня до глубины души. Сердечное спасибо вамъ за то и другое. Какъ бывшій редакторъ газеты «Русскій Миръ», я выправилъ ее для печати и исправилъ нѣкоторые факты, которые могли за дѣйствительность использовать изъ вашей памяти, но въ моемъ вѣздѣлись неизгладимыя. Взятые Ташкента слишкомъ много повлияли на всю мою остальную дѣятельность, чтобы я могъ забыть малѣйшую подробность. Такого подробнаго описанія прѣзда Крыжановскаго съ Романовскимъ еще не было въ печати и это промѣтъ нозой свѣтъ на полное непониманіе въ Петербургѣ, продолжавшееся и теперь, нашей миссіи въ этихъ богатыхъ и прелестныхъ странахъ Средней Азии. Стремленіе Крыжановскаго устроить въ Ташкентѣ или ханство, или муниципалитетъ по примѣру Гамбургъ или Любека, такъ хорошо характеризуетъ петербургскія воззрѣнія на Средне-Азиатское населеніе, что вполне выясняетъ и послѣдующія дѣйствія Кауфмана. А какъ легко и дешево можно управиться съ туземцами, оставая ихъ жить и развиваясь подъ нашимъ главенствомъ! Во вѣдѣвшихъ сновѣніяхъ еще хуже чѣмъ въ внутренней политикѣ: мы споримъ съ англичанами за каждый аршинъ на безплодной Памирѣ, а дѣла имъ изъ-подъ носа занять гораздо болѣе важные пункты и въ числѣ ихъ Гератъ, служившій ключомъ одинаково, какъ въ Индію, такъ и въ Среднюю Азію. Зачѣмъ намъ Закаспійскія пустыни безъ Герата, безъ котораго нашъ правый флангъ и сообщенія съ Россіей висятъ на воздухѣ. Противъ напечатанія вашей статьи я ничего не имѣю и, если пожелае, пошлите ее прямо въ любую редакцію, но, мнѣ кажется, удобнѣе было бы помѣстить въ «Новое Время». Дружески жму вашу руку. М. Чернышевъ. Пензенскій, 1895 г.

Выраженное въ письмѣ Михаила Григорьевича Чернышева желаніе помѣстить этотъ рассказъ въ «Новое Время» охотно исполнено. Авторъ.

жду к «урусу», но на них никто не обращает внимания и новая жизнь закипела полными хлопотами. Рассчитывая на продолжительную стоянку, войска стали по-немногу устраиваться, слепили из сырцово-глины для дядушки (как они называли Михаила Григорьевича, небольшого саяку, которая существует поныне под названием «Домик Черняева», на углу Махамматского проспекта и Черняевской улицы. История этого домика никому не знакома, даже известный Д. И. Еварницкий, в своем путеводителе по Средней Азии, пропел его молчаливым, незамысловатым существованием. Между тем глина ствны его полны историческими воспоминаниями, в них совершилась первая работа по водворению русской законности в край, имевшая благотворное влияние на нравственную сторону туземного населения, взнемогавшего под гнетом насилия и произвола. Тут же рѣшенъ былъ весьма важный государственный вопрос: быть или не быть Ташкенту русскимъ городомъ, а съ нимъ вмѣстѣ и русскому влиянію въ Средней Азии.

Чтобы оживить въ памяти минувшія историческія событія, обратимся нѣсколько назадъ. Въ 1865 году, когда Черняевъ послѣ смерти Алим-Кула, напавшаго въ бою 9-го мая, и разгрома его полчищъ занялъ г. Ташкентъ, бухарскій эмиръ Мухаммадъ-Эдигъ былъ сильно встревоженъ усиломъ русскаго оружія и, чтобы поддержать свой угасающій авторитетъ, предъявилъ права свои на Ташкентъ и потребовалъ, чтобы Черняевъ отступилъ къ г. Чимкенту, т. е. сталъ на прежнюю свою позицію. Черняевъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ негодованіемъ отвергнувъ это требованіе, отвѣчалъ, что пока у него останется хотя бы одинъ солдатъ, Ташкента ему не выдать, но что онъ не будетъ препятствовать ему идти на Боканъ. Такъ эмиръ и сдѣлалъ. Мелкія же шайки его разбрелись грабить Заирчикскій край. Сообщеніе съ хлѣбороднымъ рынкомъ было прервано, подвозъ жизненныхъ продуктовъ прекратился. Небольшія конныя партіи смѣлчачковъ стали тревожить по ночамъ наши аванпосты. Солдаты остроумно прозвали ихъ ночными бабочками и для развлечения охотились за ними.

— А что, братцы, — спрашивалъ молодой солдатикъ своихъ товарищей, — чѣмъ угостимъ сегодня ночныхъ бабочекъ?

— Ну, вѣстимо заломъ! — отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, братцы, стойте, вотъ что сдѣлаемъ, — вставилъ смѣясь коренастый солдатъ, по фамилии Востряковъ, нѣвѣстный въ ротѣ весельчакъ и затѣйникъ: — какъ смернется, протянемъ веревку, лошади ихнія запнутся на всемъ скаку, понададутъ, а мы ихъ изъ ружей и прикроемъ: нате молъ, бабочки, кушайте на здоровье!

— А веревку гдѣ добудемъ? — спросилъ кто-то.

— Веревку я припасъ, у артельщика выпрошу бѣлье просушить, — отвѣчалъ, смѣясь во весь ротъ, Востряковъ.

Но не смотря на эти, импровизированные шутки, ночныя бабочки не унимались и подъ влияніемъ одуряющей «наши», которую туземцы любили курить, дерзость ихъ дошла до того, что они стали днемъ въ одиночку джигитовать передъ нашей цѣпью. Такъ, однажды подъ вечеръ, когда жара порядочно уже спала, и воздухъ, пропитанный рѣчной влагою, пріятно нѣжилъ утомленные нервы, появился передъ нами всадникъ. Кто онъ былъ? — неизвѣстно, но судя по богатству халата, и рѣдкой красотѣ сѣраго, кроваваго подъ нимъ карабаса, можно было принять его за родовитаго «бека» или по крайней мѣрѣ зажиточнаго «бая». Подскакавъ на нисколетній выстрѣлъ, онъ сталъ описывать круги и ругать насъ отборною бранью, на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Махонинъ, крикнувъ взбѣшенный этою дерзостью отбѣленный утерѣ-офицеръ, сѣдлака его съ коня, чтобы онъ тутъ же маячилъ, да не ругался проклятымъ!

Махонинъ, не вставая съ земли, приподнял ружье, осмотрѣлъ его и въ тотъ моментъ когда бекъ разинулъ ротъ, чтобы послать новую брань, всадилъ ему пулю въ самую глотку; раненый смертельно взмахнулъ отчаянно руками и, какъ свинецъ, свалился съ лошади.

— Bravo, Махонинъ! — крикнули товарищи, — локко заткнулъ ему пасть, не станетъ больше лаяться!

Махонинъ, сознавая превосходство своей стрѣльбы, самодовольно улыбаясь, оберъ любовно ружье, зарядилъ его и, положивъ подлѣ себя, сталъ лѣниво смотрѣть въ даль, поджидая появленія новой бабочки.

Прекращеніе подвоза изъ-за рѣдки пищевыхъ продуктовъ давало себѣ чувствовать, цѣны на все поднялись значительно. Черняевъ, чтобы положить конецъ этой неурядицѣ и проучить хорошо начавшаго шаякъ Рустамъ-бека, послалъ за Чирчикъ отрядъ, состоящій изъ 4 ротъ пѣхоты, 1 сотни казаковъ и 4 орудій, подъ начальствомъ полковника Пистолькорса, приказавъ ему прогнать Рустамъ-бека и открыть сообщеніе съ зарѣчными кишлаками. 13-го сентября назначенныя войска перешли въ бродъ рѣку Чирчикъ. Погода стояла чудная, легкій ветерокъ освѣжалъ воздухъ, солдаты бодро шли впередъ подъ захватящими мотивы живой русской пѣсни, которая вилась такъ не пригодно, какъ въ походѣ, заставляя забыть всю тяжесть солдатской доли.

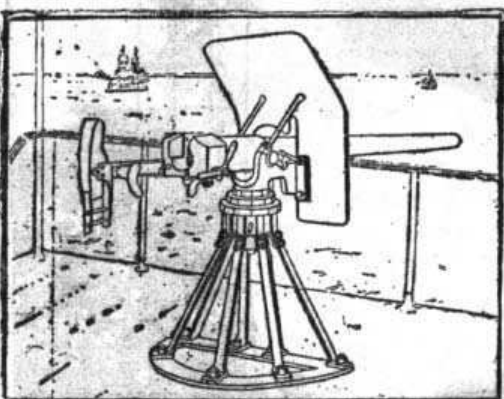
*) По словамъ М. Г. Черняева, онъ слышалъ данную ему кличку, хотя ему было не болѣе 38 лѣтъ. Почему онъ такъ прозвали, онъ не знаетъ.

**) Ружья были бракованы послѣ Севастопольской осады. Въ обобщеніи, конвоирующіе были вооружены кремневыми ружьями. Орудія были бракованныя послѣ 1812 года.

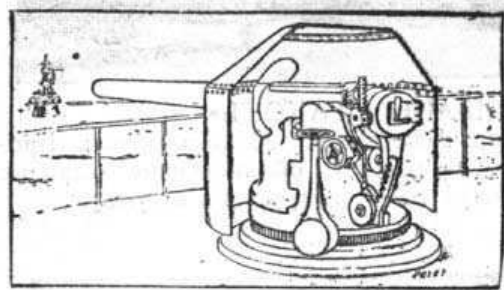
М. Черняевъ.

Въ кишлакѣ Той-тобе отрядъ остановился, оправился, подкрѣплялъ силы взятыми съ собою сартовскими лепешками, и снова двинулся въ путь-дороженьку, торопясь рѣшительнымъ ударомъ сломить самодурство неурядицы. Заслышавъ о движеніи русскіхъ войскъ, Рустамъ-бекъ стремительно отступилъ къ Покенту (50 верстъ отъ Ташкента), рассчитывая, что горная мѣстность этого кишлака поможетъ ему удержаться на позиціи; но увы, ожиданія были напрасны, нѣскольکو удачныхъ картечныхъ выстрѣловъ убѣдили вскорѣ его, что съ войсками Вѣлаго Царя трудно бороться; онъ очистилъ Покентъ и затѣмъ послѣ небольшого сопротивленія отдалъ кр. Керсучи.

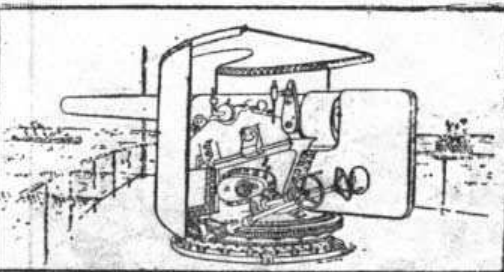
Въ то время, какъ русскія войска очищали Заирчикскій край, наноса Рустамъ-беку ударъ за ударомъ, послѣ которыхъ онъ вынужденъ былъ бѣжать къ гор. Джизаку, чтобы соединиться съ оставшимъ войскомъ бухарскаго эмира, прикрывшимъ г. Самаркандъ, въ Ташкентѣ происходили не менѣе важныя событія: туда прибылъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій.



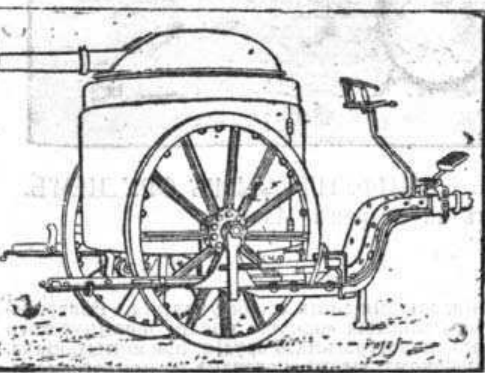
Скорострѣльная пушка Гочкиса, образца 1896 г.



Скорострѣльная морская пушка Армстронга



Скорострѣльная морская пушка Круппа на скользящемъ лафетѣ.



Скорострѣльная пушка Грюзона въ ея первоначальной стальной башнѣ.

Пріѣздъ его не предвѣщалъ ничего хорошаго для Туркестанскаго края. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не раздѣлялъ взглядовъ Черняева и не одобрялъ его побѣдоноснаго шествія, усматривая въ немъ не государственную пользу, а личное тщеславіе.

Послѣ встрѣчи и общаго привѣтствія генералъ-адъютантъ Крыжановскій указалъ Черняеву на необходимость отступленія къ г. Чимкенту, предлагая въ Ташкентѣ поставить хана или установить муниципалитетъ, по примѣру Гамбурга или Любека. Черняевъ возразилъ, что это невозможно, потому что мы потеряемъ всякій престижъ въ Азии и не удержимся въ Чимкентѣ, имѣя позади себя тысячевѣстную безводную пустыню, а впереди такой плацдармъ для сбора, какъ Ташкентъ.

Но Крыжановскій ничего не хотѣлъ принимать въ соображеніе и упорно стоялъ на своемъ: «Отдать Ташкентъ и отступить къ Чимкенту».

Желая доказать необходимость удержанія Ташкента, какъ главнаго стратегическаго пункта, открывающаго широкій доступъ въ сосѣднія ханства, Черняевъ прочелъ тутъ же цѣлую лекцію о нашей политической миссіи въ средней Азии, заимѣванной намъ Петромъ Великимъ.

— Все это прекрасно, — возразилъ Крыжанов-

скій, — и вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ о необходимости оставить Ташкентъ въ нашихъ рукахъ, но поймите, что скажетъ Англія: это можетъ вызвать европейскую войну!

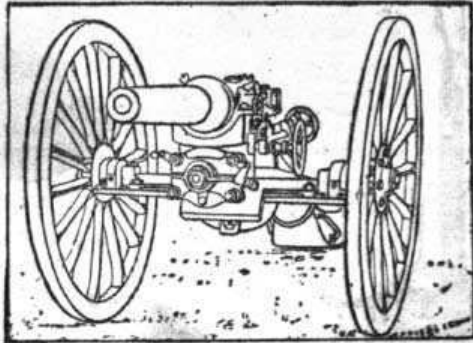
Что долженъ былъ пережить и перечувствовать эти минуты Черняевъ, слушаая эти сомнительные доводы! Сердце его разрывалось на части, онъ скорбѣлъ не за себя, не за свою славу завоевателя Ташкента, открывшаго невѣдомый дотошъ міръ, а за то, что великое русское дѣло должно было погибнуть въ самомъ началѣ, не дожидаясь расцвѣта. Что дѣлать? — спрашивалъ онъ себя и тутъ же благородное сердце его подсказало: удержаться Ташкентѣ, хотя бы для того пришлось пожертвовать собой. Принявъ такое рѣшеніе, онъ возвратился домой и спокойно занялся просмотромъ полученныхъ бумагъ. Вошелъ адъютантъ.

— Что скажете? — спросилъ ласково Черняевъ.

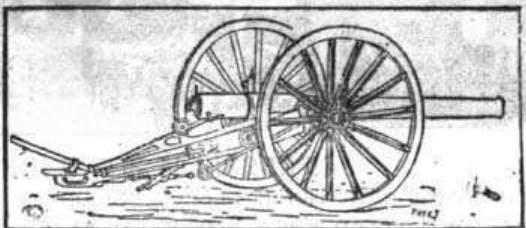
— Казакъ пріѣхалъ, ваше превосходительство, изъ отряда подполковника Пистолькорса.

— Зовите, — сказалъ онъ, откладывая въ сторону бумагу, которую держалъ въ рукахъ.

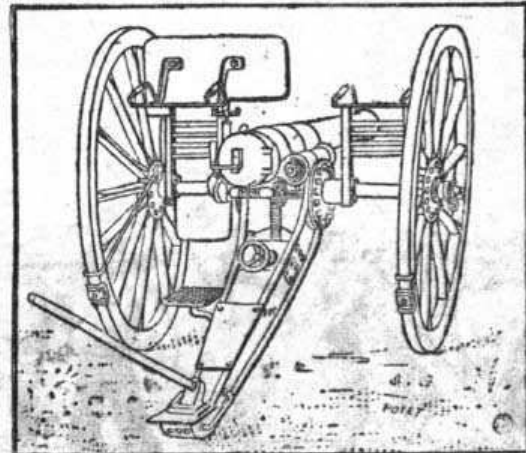
Вошелъ бравый урядникъ, съ двумя Георгіями



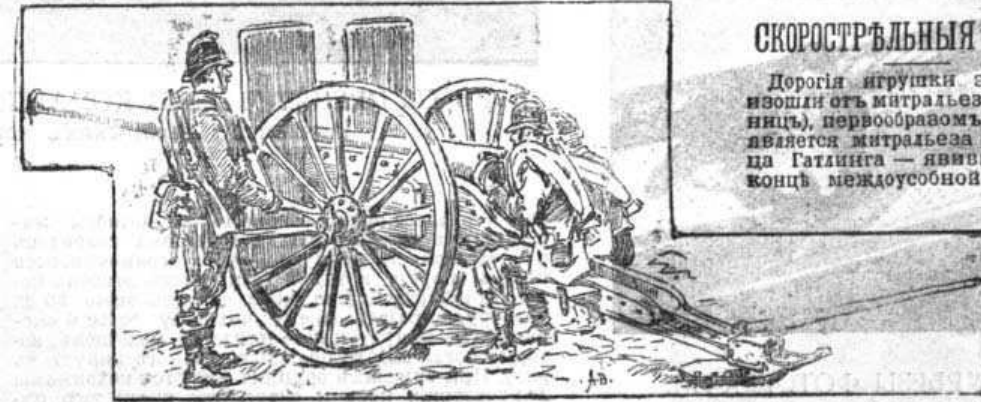
Скорострѣльная 75 мил. пушка Канз на полевомъ лафетѣ.



Скорострѣльная 75 мил. полевая пушка Шнейдера.



Скорострѣльная пушка Максима-Норденфельда на полевомъ лафетѣ.



75 мил. скорострѣльная пушка французской полевой артиллеріи послѣдняго образца и проектированная новая обмундировка французскаго солдата (по «Illustr. Zeitung»).

на груди, и подальше наметъ съ донесеніемъ о взятіи Покента и Керсучей и отступленіи Рустамъ-бека къ Джизаку.

— Молодцы! — произнесъ отрывисто Черняевъ, пробѣжавъ бумагу, — и, доставъ нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ, приказалъ ихъ отвезти въ отрядъ, вмѣстѣ со своимъ «спасибо».

— А туземцы были? — спросилъ онъ адъютанта по выходѣ казака.

— Были, ваше превосходительство.

— Что они?

— Спрашивали, кому подать прошеніе о принятіи ихъ въ подданство Россіи, намъ или генералу Крыжановскому? Я сказалъ, что вамъ.

Улыбка скользнула по лицу Черняева.

На другой день жители подали коллективный адресъ о принятіи ихъ въ подданство Вѣлаго Царя. Но генералъ Крыжановскій, прикрываясь личною законности, объявилъ выборнымъ, что просьба ихъ будетъ отправлена въ Петербургъ, а пока они все-таки должны избрать себѣ хана или устроить для управленія городомъ муниципалитетъ. Въ тотъ же день было послано Черняеву

предписаніе о приведеніи въ исполненіе означеннаго рѣшенія.

Былъ вечеръ. Черняевъ, держа въ рукахъ роковое предписаніе, ходилъ взволнованно по земляному полу своей небольшой сады. Лицо его было мрачно, онъ сразу постарѣлъ и похудѣлъ. Походные часы, лежавшіе на рабочемъ столикѣ, показывали шесть часовъ; взглянувъ на нихъ, онъ вздрогнулъ, провелъ рукою по лицу, точно припоминая что-то, и, быстро подбѣжавъ къ столу, написалъ генералу Крыжановскому, что предписаніе его объ оставленіи Ташкента и отступленіи къ Чимкенту онъ на себя не беретъ и проситъ объ увольненіи въ Петербургъ. Послѣдствія такого смѣлаго поступка всѣмъ извѣстны. Туркестанскій край присоединенъ былъ къ Россіи, а Черняевъ, по жалобѣ Крыжановскаго, отозванъ въ Петербургъ.

Съ отбѣдомъ Михаила Григорьевича, домикъ его былъ забытъ, неумолимое время не пощадило его историческія заслуги: глиняныя стѣны мѣстами обсыпались, обвалились, потолокъ нависнул, окна вывалились и онъ сталъ служить пристанищемъ солдатскихъ прачекъ.

Прошло 17 лѣтъ, повѣяло новымъ вѣтромъ, Черняевъ былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, услужливые люди вспомнили о его домикѣ и къ пріѣзду Михаила Григорьевича убрали его по-праздничному: очистили, выбѣлили, вставили разбитыя стекла и прибили доску, съ надписью, что въ немъ въ 1865 г. жилъ покоритель Ташкента. Нынче снова домикъ захирѣлъ, снова настала для него темная полоса и только одна почерѣвшая отъ времени надпись напоминаетъ прохожему о его историческомъ значеніи.

Уѣзжая изъ Ташкента, я зашелъ въ сказанный домикъ, чтобы запечатлѣть его въ своей памяти, и засталъ тамъ старика-солдата, украшеннаго тремя Георгіевскими крестами. На вопросъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ, старикъ отвѣтилъ:

— Зашелъ помолиться.

Я промолчалъ и подумалъ: хорошо бы здѣсь устроить часовню или богадѣльню для одного или двухъ ташкентскихъ ветерановъ, назвавъ ее именемъ перваго жильца.

Александръ Ивановъ.

Отъ редакціи. Кстати еще два слова о М. Г. Черняевѣ. Въ воскресномъ фельетонѣ, посвященномъ памяти его, «Old Gentleman» говоритъ, что русскій герой вообще не эффектенъ, подобно Тушину изъ «Войны и мира» и что къ числу такихъ Тушиныхъ принадлежалъ и Черняевъ. По этому поводу, г. А. Б., съ которымъ читатели наши знакомы по печатающимся у насъ время отъ времени его «Военнымъ замѣткамъ» пишетъ намъ слѣдующее: «Мнѣ кажется, что сравненіе съ Тушинымъ не совсѣмъ справедливо. У графа Толстого, на взглядъ котораго несомнѣнно сильно повлияла крымская кампанія, въ которой онъ самъ принималъ участіе, случайность играетъ почти исключительную роль въ бою, планъ главнокомандующаго обыкновенно не приводится въ исполненіе, а все дѣлается Тушинымъ. Разъ же идетъ рѣчь о знаменитомъ военачальникѣ, то при чемъ же тутъ Тушинъ? Тушинъ можетъ быть хорошимъ исполнителемъ, но въ самостоятельные вожди онъ не годится. Онъ не можетъ вліять черезъ ближайшихъ помощниковъ на массу, иногда огромную, не можетъ разлить въ нихъ свою таинственную, духовную силу, двигающую людей на смерть, не можетъ оцѣнить обстановку во всемъ ея объемѣ, быстро создать извѣстный планъ и заставить войска привести его въ исполненіе. Все это качества вожда и М. Г. Черняевъ обладалъ ими въ высшей степени».

СКОРОСТРѢЛЬНЫЯ ПУШКИ.

Дорогія игрушки эти — произшли отъ митральезъ (картечницъ), первообразомъ которыхъ является митральеза американца Гатлинга — явившаяся въ концѣ междоусобной войны въ

Соединенныхъ Штатахъ. Пять лѣтъ спустя во французской арміи введена была пресловутая митральеза, неоправдавшаяся однако въ войну 1870 г. возлагавшихъ на нее ожиданій.

Въ 1873 г. во Франціи испытывалась 4-хъ-ствольная пушка Гочкиса — выпускавшая на опытахъ 60 пуль въ 40 мм. діаметра. Механизмъ заряданія, воспламененія и выбрасыванія выстрѣльных гильзъ, подачи патроновъ и уравновѣшенія отката были уже довольно совершенны въ этой революционной пушкѣ — но она почему-то не принята была въ сухопутныхъ войскахъ. О ней вспоминали тогда, когда въ стрѣлковыхъ миноносцахъ, получившихъ возможность въ одну минуту добираться на такое разстояніе отъ броненосца, съ котораго уже можно метать мины, стали угрожать дорогимъ и неповоротливымъ плавающимъ фортамъ. Явились скорострѣльныя пушки Норденфельда, Максима — малозакалибра, но въ которыхъ изобрѣтатели, остроумно воспользовавшись силой отдачи для приведенія въ движеніе частей механизма, служившихъ для заряданія, для взвода ударника для выбрасыванія гильзъ послѣ выстрѣла и т. д., довели число выстрѣловъ отъ 200 до 600 въ минуту; понадобилось примѣнить и искусственное охлажденіе стволовъ.

Но орудія эти были малозакалибра — и съ увеличеніемъ размѣра миноносцевъ и толщинъ стальныхъ листовъ, изъ которыхъ они строились, понадобились и скорострѣльныя пушки большаго калибра. Это отозвалось на числѣ выстрѣловъ: новая пушка Гочкиса давала 25—30 выстрѣловъ. Шесть такихъ орудій, всѣмъ воѣ вмѣстѣ въ 2 тон-

ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКЪ.

(Къ двадцатипятилѣтію его основанія).

Съ замиреніемъ въ 1873 г. орды туркмено-хивинской вольницы окончилась и военная дѣятельность въ Туркестанскомъ краѣ. Кромѣ военной денежной контрибуціи, возложенной на Хивинское ханство, присоединились къ русскимъ владѣніямъ правый берегъ Аму-Дарьи и дельта этой рѣки отъ Аральскаго моря до крайняго, западнаго рукава ея.

Такимъ образомъ, Россія стала твердою ногою на берегахъ историческаго Оксу (Узбой) и эта великая рѣка, отъ Аральскаго моря до самыхъ отдаленныхъ, центральныхъ азиатскихъ ханствъ, расположенныхъ на верхнихъ притокахъ Аму-Дарьи, открылась для русской науки, промышленности и торговли.

Штыки и картечь окончили свою первую кровавую работу; настала пора мирныхъ завоеваній на Аму и въ самой глубинѣ центральной Азіи, завоеваній медленныхъ, мало замѣтныхъ постороннему наблюдателю, но тѣмъ не менѣе неотразимыхъ.

Передъ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ хивинскаго оазиса въ обратный походъ, первый эшелонъ которыхъ выступилъ изъ Хивы 5-го сентября, командующимъ войсками К. П. Кауфманомъ было выбрано мѣсто для сооруженія перваго русскаго оплота среди безконечныхъ песковъ Кызыль-Кумъ (красный песокъ), о которомъ мечталъ великій преобразователь Руси—Петръ I.

Сначала предполагалось устроить укрѣпленіе близъ Ша-Абадъ-Вали, но по ближайшемъ осмотрѣ мѣста К. П. Кауфманъ призналъ его несоотвѣствующимъ требованіямъ и рѣшилъ возвести укрѣпленіе въ девяти верстахъ отъ горъ Шура-Хана и въ шести отъ Ханской Переправы на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ богатомъ и прекрасно обработанномъ саду Мать-Ніаза.

Взамѣнъ взятаго подъ это укрѣпленіе сада Мать-Ніаза, генералъ Кауфманъ разрѣшилъ выбрать одинъ или два сада изъ числа отошедшихъ къ намъ садовъ хивинскаго хана.

И вотъ, 26-го августа, при соотвѣствующемъ торжествѣ, было положено начало перваго, возродившагося изъ песковъ, русскаго укрѣпленія, о сооруженіи котораго тщетно заботились въ теченіе двухъ вѣковъ.

Самое укрѣпленіе имѣетъ видъ почти правильнаго прямоугольника, съ двумя бастіонами, обстрѣливающими фасы укрѣпленія. Главный бастіонъ, обращенный въ сторону Аму-Дарьи и на шура-ханскую дорогу названъ «Александровскимъ» и на немъ поднятъ русскій флагъ. Другой бастіонъ — «Петровский», на противоположномъ углу укрѣпленія. На двухъ другихъ углахъ крѣпостной ограды построены барбеты. При такихъ средствахъ обороны укрѣпленіе представляетъ твердыню, необходимую для Средней Азіи.

Въ силу историческихъ событій, предшествовавшихъ хивинскому походу, укрѣпленіе это было наименовано Петро-Александровскимъ, въ ознаменованіе первой неудачной попытки князя Бековича-Черкаскаго проникнуть въ Хиву, при Петрѣ Великомъ, доблестно исполненной внуками въ царствованіе императора Александра II.

Мѣстности же изъ вновь присоединенныхъ къ русскимъ владѣніямъ земель, какъ административ-



Герцога МАКСИМИЛИАНЪ БАДЕНСКІЙ.



Ея Императорское Высочество Великая Княжна ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, Высоконареченная Невѣста Герцога Максимилиана Баденскаго.



ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, австрійскій императоръ.



Австрійская императрица ЕЛИЗАВЕТА на прогулкѣ.

тивной единицы, присвоено наименованіе Аму-Дарьинскаго отдѣла, первымъ начальникомъ котораго, на правахъ военнаго губернатора, былъ назначенъ герой хивинскаго похода Н. А. Ивановъ.

Въ распорѣженіе генерала Иванова было остав-

лено изъ числа дѣйствовавшихъ противъ Хивы войскъ 2 батальона пѣхоты, 4 сотни казаковъ и 8 орудій.

На первое устройство этого гарнизона, широкое его довольствіе, а также обмундированіе и на приобрѣтеніе зимней одежды К. П. Кауфманъ

передать Н. А. Иванову весь остаток денежных сумм от этой экспедиции — 60,000 р.

Къ ноябрю мѣсяцу закончились необходимыя постройки, явился запасъ продовольствія и тихо, однообразно потекла жизнь первыхъ русскихъ пионеровъ въ этомъ изолированномъ сыпучими песками оазисѣ отъ населенныхъ сородичами, хотя и незначительныхъ пунктовъ *).

Не малую роль въ исторіи поступательнаго движенія въ Среднюю Азію сыграла эта горсть русскихъ удалцовъ.

Съ какимъ восторгомъ отпраздновали они въ первую же осень общій для всѣхъ военныхъ праздниковъ — день св. Георгія! На это первое торжество были приглашены хивинскій ханъ Сеидъ-Магометъ-Богодуръ-ханъ, прибывшій въ укрѣпленіе съ незначительной свитой.

Топографическая особенность хивинскаго оазиса слѣдующая: оазисъ этотъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ сѣверо-западной стороны, песчаными стенами. Съ сѣверо-западной къ нему примыкаетъ Аральское море, за которымъ непосредственно начинается плоская возвышенность Усть-Юртъ. Съ сѣверной стороны пески Кизылъ-кумскіе пододвигаются вплоть до праваго берега Аму-Дарьи.

Западная часть соприкасается съ степью, частью песчаной, частью солончаковою, а частью представляющею совершенно ровную и твердую поверхность, называемую мѣстными жителями «такыр».

Пески, окружающіе оазисъ, врываются и внутрь его, преимущественно въ пространства между оросительными каналами.

Свойство песковъ быстро распространяться по поверхности земли нѣсколько ослабляется довольно обильнымъ орошеніемъ южныхъ частей ханства и тѣми мѣрами, которыя употребляютъ туземцы къ огражденію своихъ полей отъ засыпания ихъ песками. Насажденіе деревьевъ, насыпи по каналамъ — все это ограничиваетъ до нѣкоторой степени распространение песчаныхъ площадей. Но главное препятствіе пескамъ представляетъ орошеніе, которое даетъ полямъ обильный илъ.

Хивинскій оазисъ представляетъ ровную поверхность, понижающуюся на сѣверо-западъ, по направленію теченія Аму-Дарьи и на сѣверъ въ мѣстностяхъ дельты этой рѣки, съ горной незначительной цѣпью Шейхъ-джели, тянущейся отъ озера Ходжа-кулъ почти прямо на востокъ. Дельта рѣки, благодаря обилью воды и слабому грунту почвы, на которой она распространяется, пересѣкается оазисъ нѣсколькими рукавами, мѣстами разливающимися на широкое пространство и образующими густыя заросли камыша. Особенно замѣчательны разливы въ юго-западной и сѣверо-восточной части дельты. Здѣсь находится цѣлый лабиринтъ озеръ и протоковъ, въ которыхъ легко заблудиться безъ помощи мѣстныхъ рыболововъ.

Въ окрестностяхъ Чимбая и Клычъ-калы находятся значительныя селенія полуосѣдлыхъ каракалпаковъ.

Народность эта трудолюбива, какъ муравьи, вѣчно борется съ разливами Аму-Дарьи и честности необычайной: въ своихъ жилищахъ она не знаетъ замковъ. Зато судьи завалены брако-разводными дѣлами: жены ихъ на своемъ вѣку нѣрѣдко мѣняютъ отъ 20 до 30 мужей.

Само собою разумѣется, что скученность населенія находится въ прямой зависимости отъ количества оросительныхъ каналовъ. Количество же водъ во всѣхъ каналахъ естественно зависитъ отъ большаго или меньшаго изобилія

ее въ главномъ бассейнѣ и въ тѣ годы, когда разливы Аму-Дарьи выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, всѣ каналы сохраняютъ воду въ продолженіе цѣлаго лѣта; напротивъ, въ года малой приливы главныхъ водъ, масса ихъ въ странѣ получается тоже въ меньшемъ количествѣ и тогда вода содержится круглый годъ только въ главныхъ каналахъ, въ прочіе же она пускается по временамъ, въ минуты крайней нужды.

Необходимость постоянной очистки каналовъ служить причиною, что берега ихъ возвышаются въ родѣ насыпей, превосходящихъ иногда значительно ростъ человѣка; во избѣжаніе осыпки и для предохраненія воды отъ испаренія, каналы обсаживаются снизу у самой воды, а иногда и по вершинѣ насыпи вязы, тополями и тутовникомъ.

Около канавъ мѣстные жители и хивинцы располагаютъ все свое хозяйство: домъ, садъ и поле. Садъ для хивинца — полжизни. Въ немъ онъ выращиваетъ фруктовыя деревья: гранаты, виноградъ, айву, шенталау, винограды, дули, черносливъ, но самое главное, будучи любителемъ цвѣтовъ, онъ тщательно ухаживаетъ за своимъ цвѣтникомъ съ незначительными сортами цвѣтущихъ растений. Вы не встрѣтите хивинца, отъ хана до бѣдняка, безъ заткнутаго за ухо цвѣточка. Не родись у него ничего, только были бы цвѣты.

Какихъ трудовъ стоитъ воздѣлать для посѣва неплодородную почву этого оазиса. Даже для посѣва травы необходимо удобрение, сѣно дорого, луговъ нѣтъ и скотина со дня рожденія обречена быть на привязи. Характерная особенность въ этомъ отношеніи самого хана, это — исключительно принадлежащее ему право собирать навозъ на улицахъ и площадяхъ города Хивы, который и свозится на арбахъ на ханскія земли. Этимъ дѣломъ до освобожденія рабовъ занимались въ Хивѣ наши плѣнные уральцы-казаки.

Изъ злаковъ высѣваются: пшеница, джугара, мовша — родъ чечевицы, очень дешевый продуктъ, который идетъ въ пищу какъ хозяевамъ, такъ и работникамъ. Культивируется хлопокъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ сортовъ мѣстнаго хлопка, а также и шелковичный червь.

Не мало пережилъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ, а слѣдовательно и Петро-Александровскъ невзгодъ и тревоженій въ свой относительно незначительный двадцатипятилѣтній періодъ.

Сыгравъ свою историческую роль первыхъ непосредственныхъ сношеній съ хивинскимъ ханствомъ, руководимый съ большимъ тактомъ и умѣньемъ генераломъ Н. А. Ивановымъ, заботившимся о развитіи народнаго благосостоянія, отдѣлъ этотъ съ введеніемъ положенія объ управленіи Туркестанскаго края 12-го іюня 1886 г. вошелъ въ составъ Сыръ-Дарьинской области. Потерявъ всякое стратегическое значеніе, онъ является свидѣтелемъ мирнаго завоеванія Хивинскаго ханства путемъ общенія его съ русскими промышленниками, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе проникающими во всѣ уголки этого некогда страшнаго для народовъ Средней Азіи ханства.

А. Коробовъ.

ЖАРЬ-ПТИЦА*).

Въ ту пору въ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ кафедру теоретической и практической физики занималъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ **), производившій, между прочимъ, и опыты

* См. «Нов. Вр.» № 8083.

** Рихманъ родился 11-го іюля 1711 года въ Пернау, учился въ Ревелѣ, Галлѣ и Іенѣ; Остерманъ пригласилъ его наставникомъ къ своимъ сыновьямъ — въ Петербургъ. Рихманъ подавъ «главному командиру» Академіи Наукъ барону Корфу 22-го іюля 1735 г. сочиненіе по физикѣ и 18-го

по электричеству, главную роль въ которыхъ играли вращающіеся стеклянные шары. Императрица Елисавета Петровна и высшее общество очень интересовались этими любопытными опытами, которые Рихманъ и показывалъ при Дворѣ (1745—1748 гг.). Для этого по Высочайшему повелѣнію отведена была дворцовымъ вѣдомствомъ особая комната (именно въ домъ бароновъ Строгоновыхъ), гдѣ хранились электрическіе приборы и производились опыты.

Разумѣется, Рихманъ слѣдилъ за успѣхами науки въ области электричества на Западѣ и извѣстія объ опытахъ въ Филадельфіи, Марли и Парижѣ съ желѣзными шестами побудили его заняться вновь возникшимъ таинственнымъ вопросомъ о той силѣ, которая вызываетъ грозу въ небесахъ и искры съ трескомъ въ электрическихъ машинахъ на землѣ. Шесты, конечно, были призваны рѣшать этотъ вопросъ и въ Петербургѣ. Сквозь крышу (для чего понадобилось вынуть черепицы), пропущенъ былъ вертикальный желѣзный прутъ, въ палецъ толщиной, длиною 5—6 фут., изъ коней 4—5 фут. приходилось на внѣшнюю, заостренную часть прута, возвышавшуюся надъ крышей — на воздухъ; другой же конецъ прута, тупой — въ комнатѣ — былъ продѣтъ въ бутылку съ выбитымъ отверстіемъ въ днѣ и укрѣпленъ въ ней пробкою въ горлышкѣ; бутылка эта дномъ упиралась на кирпичи. Выходившій изъ дна прутъ былъ соединенъ съ желѣзною проволокою, проведенною во внутреннія комнаты со всѣми предосторожностями по части изоляціи отъ электропроводныхъ тѣлъ. Тамъ къ концу проволоки прикрѣплена была желѣзная линейка, висѣвшая вертикально; къ верхнему концу линейки привязана была шелковая нить, висѣвшая въ свободномъ состояніи параллельно линейкѣ, въ одной плоскости съ широкою стороною ея. Конечно, разъ электрическій токъ пройдетъ въ проволоку, а слѣдовательно, и въ линейку, то шелковая нить отклонится; но въ данномъ случаѣ линейка могла назлектризоваться черезъ влияніе отъ разряда электричества въ атмосферѣ, — поэтому отклоненіе нити отъ линейки и служило бы хорошимъ указателемъ присутствія этой невидимой силы въ воздухѣ, т. е. доказало бы тождество грозовыхъ явленій въ видѣ молній и грома съ искусственно произведенными на машинахъ. Съ начала іюля (1752 г.) слѣдилъ Рихманъ ежедневно за этою нитью. 18-го числа этого мѣсяца раздался въ полдень ударъ грома, и тотчасъ же шелковая нить отскочила отъ линейки и показались искры, сопровождаемыя трескомъ. Во все время грозы — болѣе полутора часа — продолжались эти явленія, подобныя таковымъ же, вызываемымъ машиною. «По сему не надобно къ тому опыту ни электрической машины, ни электризованнаго тѣла, но громъ совершенно служить вмѣсто электрической машины... И такъ, совершенно доказано, что электрическая матерія одинакова съ громовою матеріею...», такъ писали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 58), знакомившихъ своихъ читателей съ вышеизложеннымъ опытомъ Рихмана и послѣдующими. Съ наступленіемъ осени опыты эти были прерваны и возобновились весною слѣдующаго, 1753 года. Послѣ вынужденнаго бездѣйствія по интересующему его предмету зимою, когда грозавая дѣятельность сводится, какъ извѣстно, къ нулю, Рихманъ съ юношескимъ увлеченіемъ отдался этимъ опытамъ съ мая мѣсяца. Онъ не пропускалъ ни одной грозы и всегда разнообразилъ

октября того же года поступилъ въ академію студентомъ по физическому классу, 15-го апрѣля 1740 г. получилъ званіе адъюнкта, а 20-го февраля 1741 г. — профессора. Убитъ ударомъ шаровой молніи 26-го іюля 1753 года. (См. П. Пекарскаго «Исторію Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ»).

* Ближайшіе пункты: Казалинскъ удаленъ на 664 в., Перовскъ на 670 и Самаркандъ на 722. Отъ Ташкента чрезъ Джизакъ 895 верстъ.



КРѢПОСТНЫЯ ВОРОТА
въ Петро-Александровскѣ. (См. стр. 5).



РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЖЕНЕВѢ.
(См. стр. 12).

сти клычка!) былъ теперь уже далеко и отъ этого, съ позволенія сказать, «ученаго», и отъ всѣхъ академическихъ дрязгъ... Жарь-птица увесла его въ иной міръ.

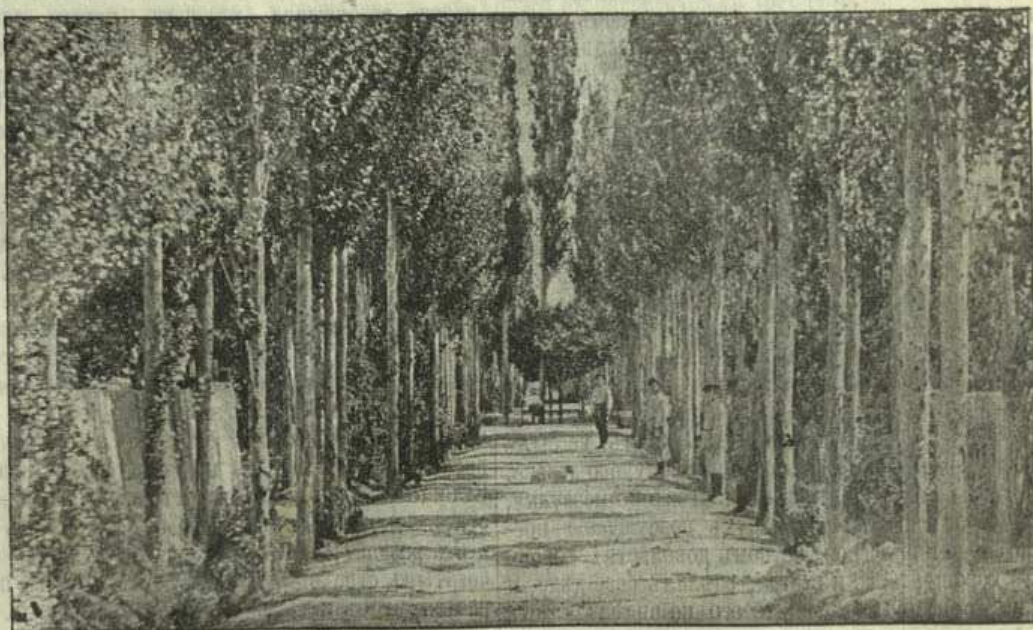
«Между тѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ»...—писалъ Ломоносовъ графу Шувалову въ томъ же письмѣ. И если когда-нибудь поставили бы Рихману памятникъ, котораго онъ, безъ всякаго сомнѣнія, вполне заслуживаетъ, трудно было бы подыскать болѣе лучшую эпитафію. Золотыя слова Ломоносова оправдались: память о Рихманѣ переживетъ вѣка. Всякій, вступающій въ область науки объ электричествѣ, на первыхъ же шагахъ увидитъ эту скромную могилу, цвѣты на которой не завяли и до сего дня и никогда не завянутъ, потому что возложены признательною наукою; увидѣвъ такую могилу, онъ поклонится ей, потому что она—одинъ изъ краеугольныхъ камней зданія науки, а



МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ РѢКУ РОНУ И НАБЕРЕЖНАЯ ЖЕНЕВЫ,
гдѣ убита анархистомъ австрійская императрица. (См. стр. 5).



ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКѢ. (См. стр. 5)



АЛЛЕЯ ВЪ КРѢПОСТИ ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКА. (См. стр. 5).